

Константин Бальмонт

ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ

Семицветник

Эта книга возникла на берегу Балтийского моря, в Мерреклеуле, в летние дни и ночи 1903-го года. Появляется вновь без изменений в тексте. Да живут созвучья Янтарного моря.

*Я всему молюсь.
Достоевский*

ЦВЕТНЫЕ ТКАНИ

ГИМН СОЛНЦУ

1

Жизни податель,
Светлый создатель,
Солнце, тебя я пою!
Пусть хоть несчастной
Сделай, но страстной,
Жаркой и властной
Душу мою!

Жизни податель,
Бог и Создатель,
Страшный сжигающий Свет!
Дай мне – на пире
Звуком быть в лире, –
Лучшего в Мире
Счастья нет!

2

О, как, должно быть, было это Утро
Единственно в величии своем,
Когда в рубинах, в неге перламутра,
Зажглось ты первым творческим лучом.

Над Хаосом, где каждая возможность
Предчувствовала первый свой расцвет,
Во всем была живая полнота,
Все было «Да», не возникало «Нет».

В ликующем и пьяном Оксане
Тьмы тем очей глубоких ты зажгло,
И не было нигде для счастья грани,
Любились все, так жадно и светло.

Действительность была равна с мечтою,
И так же близь была светла, как даль.
Чтоб песни трепетали красотой,
Не надо было в них впадать печаль.

Все было многолико и едино,
Все нежило и чаровало взгляд,
Когда из перламутра и рубина
В то Утро ты соткало свой наряд.

Потом, вспоив столетья, миллионы
Горячих, огнецветных, страстных дней,
Ты жизнь вело чрез выси и уклоны,
Но в каждый взор вливало блеск огней.

И много раз лик Мира изменялся,
И много протекло могучих рек,
Но громко голос Солнца раздавался,
И песню крови слышал человек.

«О, дети Солнца, как они прекрасны!» –
Тот возглас перешел из уст в уста.
В те дни лобзанья вечно были страстны,
В лице красива каждая черта.

То в Мексике, где в таинствах жестоких
Цвели так страшно красные цветы, –
То в Индии, где в душах светлооких
Сложился блеск ума и красоты, –

То там, где Апис, весь согретый кровью,
Склонив чело, на нем являл звезду,
И, с ним любя бесстрашною любовью,
Лобзались люди в храмах, как в бреду, –

То между снов пластической Эллады,
Где Дионис царил и Аполлон, –
Везде ты лило блеск в людские взгляды,
И разум Мира в Солнце был влюблен.

Как не любить светило золотое,

Надежду запредельную Земли.
О, вечное, высокое, святое,
Созвучью нежных строк моих внемли!

3

Я все в тебе люблю. Ты нам даешь цветы,
Гвоздики алые, и губы роз, и маки,
Из безразличья темноты
Выводишь Мир, томившийся во мраке,
К красивой цельности отдельной красоты,
И в слитном Хаосе являются черты,
Во мгле, что пред тобой, вдруг дрогнув, подается,
Встают – они и мы, глядят – и я и ты,
Растет, поет, сверкает, и смеется,
Ликует празднично все то,
В чем луч горячей крови бьется,
Что ночью было как ничто.

Без Солнца были бы мы темными рабами,
Вне понимания, что есть лучистый день,
Но самоцветными камнями
Теперь мечты горят, нам зримы свет и тень.

Без Солнца облака – тяжелые, густые,
Недвижно-мрачные, как тягостный утес,
Но только ты взойдешь, – воздушно-золотое,
Она воздушней детских грез,
Нежней, чем мысли молодые.

Ты не взойдешь еще, а Мир уже поет,
Над соснами гудит звенящий ветер Мая,
И влагой синею поишь ты небосвод,
Всю мглу Безбрежности лучами обнимая.

И вот твой яркий диск на Небеса взошел,
Превыше вечных гор, горишь ты над богами,
И люди Солнце пьют, ты льешь вино струями,
Но страшно ты для глаз, привыкших видеть дол,
На Солнце лишь глядит орел,
Когда летит над облаками.

Но, не глядя на лик, что ослепляет всех,
Мы чувствуем тебя в громах, в немой былинке, –
Когда, желанный нам, услышим звонкий смех,
Когда увидим луч, среди чащи, на тропинке.

Мы чувствуем тебя в реке полночных звезд,
И в глыбах темных туч, разорванных грозою,
Когда меж них горит, манящей полосой,
Воздушный семицветный мост.

Тебя мы чувствуем во всем, в чем блеск алмазный,
В чем свет коралловый, жемчужный иль иной.
Без Солнца наша жизнь была б однообразной,
Теперь же мы живем мечтою вечно-разной,
Но более всего ласкаешь ты – весной.

4

Свежей весной
Все озаряющее,
Нас опьяняющее
Цветом, лучом, новизной, –
Слабые стебли для жизни прямой укрепляющее, –
Ты, пребывающее
С ним, неизвестным, с тобою, любовь, и со мной!

Ты теплое в радостно-грустном Апреле,
Когда на заре
Играют свирели,
Горячее в летней поре,
В палящем Июле,
Родящем зернистый и сочный прилив
В колосьях желтеющих нив,
Что в свете лучей утонули.
Ты жгучее в Африке, свет твой горит
Смертельно, в час полдня, вблизи Пирамид,
И в зыбях песчаных Сахары.
Ты страшное в нашей России лесной,
Когда, воспринявши палящий твой зной,
Рокочут лесные пожары.
Ты в отблесках мертвых, в пределах тех стран,
Где белою смертью одет Океан,
Что люди зовут Ледовитым, –
Где стелются версты и версты воды
И вечно звенят и ломаются льды,
Белея под ветром сердитым.
В Норвегии бледной – полночное ты;
Сияньем полярным глядишь с высоты,
Горишь в сочетаньях нежданных.
Ты тусклое там, где возрастают лишь мхи,
Цепляются в тундрах, глядят как грехи,
В краях для тебя нежеланных.
Но Солнцу и в тундрах предельности нет,
Они получают зловещий твой свет,
И, если есть черные страны,
Где люди в бреду и в виденьях весь год,
Там день есть меж днями, когда небосвод
Миг правды дает за обманы,
И тот, кто томился весь год без лучей,
В миг правды богаче избранных дней.

Я тебя воспеваю, о, яркое жаркое Солнце,
 Но хоть знаю, что я и красиво и нежно пою,
 И хоть струны Поэта звончей золотого червонца,
 Я не в силах исчерпать всю властность, всю чару твою.

Если б я родился не Певцом, истомленным тоскою,
 Если б был я звенящей блестящей свободной волной,
 Я украсил бы берег жемчужиной – искрой морской –
 Но не знал бы я, сколько сокрыто их всех глубиной.

Если б я родился не стремящимся жадным Поэтом
 Я расцвел бы как ландыш, как белый влюбленный цветок,
 Но не знал бы я, сколько цветов раскрывается летом,
 И душистые сны сосчитать я никак бы не мог.

Так, тебя воспевая, о, счастье, о, Солнце святое,
 Я лишь часть слышу ликующий жизненный смех,
 Все люблю я в тебе, ты во всем и всегда – молодое,
 Но сильнее всего то, что в жизни горишь ты – для всех.

Люблю в тебе, что ты, согрев Франциска,
 Воспевшего тебя, как я пою,
 Ласкаешь тем же светом василиска,
 Лелеешь нежных птичек и змею.

Меняешь бесконечно сочетанья
 Людей, зверей, планет, ночей, и дней,
 И нас ведешь дорогами страданья,
 Но нас ведешь к Бессмертию Огней.

Люблю, что тот же самый свет могучий,
 Что нас ведет к немеркнущему Дню,
 Струит дожди, порвавши сумрак тучи,
 И приобщает нежных дев к огню.

Но, если, озаряя и целуя,
 Касаешься ты мыслей, губ, и плеч,
 В тебе всего сильнее то люблю я,
 Что можешь ты своим сияньем – сжечь.

Ты явственно на стоны отвечаешь,
 Что выбор есть меж сумраком и днем,
 И ты невесту с пламенем венчаешь,
 Когда в душе горишь своим огнем.

В тот яркий день, когда владыки Рима
В последний раз вступили в Карфаген,
Они на пире пламени и дыма
Разрушили оплот высоких стен, –

Но гордая супруга Газдрубала,
Наперекор победному врагу,
Взглянув на Солнце, про себя сказала:
«Еще теперь я победить могу!»

И, окружив себя людьми, конями,
Как на престол, взошедши на костер,
Она слилась с блестящими огнями,
И был триумф – несбывшийся позор.

И вспыхнуло не то же ли сиянье
Для двух, чья страсть была сильнее, чем Мир,
В любовниках, чьи жаркие лобзанья
Через века почувствовал Шекспир.

Пленительна, как солнечная сила,
Та Клеопатра, с пламенем в крови,
Пленителен, пред этой Змейкой Нила,
Антоний, сжегший ум в огне любви.

Полубогам великого Заката
Ты вспыхнуло в веках пурпурным днем,
Как нам теперь, закатностью богато,
Сияешь алым красочным огнем.

Ты их сожгло. Но в светлой мгле забвенья
Земле сказало: «Снова жизнь готовь!»
Над их могилой – легкий звон мгновенья,
Пылают маки, красные, как кровь.

И как в великой грезе Македонца
Царил над всей Землею ум один,
Так ты одно царишь над Миром, Солнце,
О, мировой закатный наш рубин!

И в этот час, когда я в нежном звоне
Слагаю песнь высокому Царю,
Ты жжешь костры в глубоком небосклоне,
И я светло, сжигая жизнь, горю!

О, Мироздатель,
Жизнеподатель,
Солнце, тебя я пою!
Ты в полногласной

Сказке прекрасной
Сделало страстной
Душу мою!

Жизни податель,
Бог и Создатель,
Мудро сжигающий – Свет!
Рад я на пире
Звуком быть в лире, –
Лучшего в Мире
Счастья нет!

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ

Свой мозг пронзил я солнечным лучом.
Гляжу на Мир. Не помню ни о чем.
Я вижу свет, и цветовой туман.
Мой дух влюблен. Он упоен. Он пьян.

Как луч горит на пальцах у меня!
Как сладко мне присутствие огня!
Смешалось все. Людское я забыл.
Я в мировом. Я в центре вечных сил.

Как радостно быть жарким и сверкать!
Как весело мгновения сжигать!
Со светлыми я светом говорю.
Я царствую. Блаженствую. Горю.

СИГУРД

Когда Сигурд отведал крови
Убитого Фафнира,
Весь Мир ему открылся внове,
Узнал он утро Мира.
Он увидел рожденье грома,
Проник в язык он птиц,
И все, что было так знакомо,
Оделось в блеске зарниц.

Певец, что был лицом прекрасен,
И был в словах разумен,
Узнал, как смысл явлений ясен,
Как хор их многошумен.
Он был избранником для пира, –
Прочь то, что нас гневит,

Он звал соперником Фафнира,
Соперник был убит.

Сигурд, Сигурд, ты был властитель,
Возлюбленный Судьбою,
Да будет славен победитель,
Ты взял добычу с бою.
Сигурд, Сигурд, ты звался Чудом,
Ты смело в Мире шел,
Ты видел Землю изумрудом,
И пел тебе орел.

«Возьми», он пел напевом властным,
«Запястья золотые,
В них день горит, с отливом красным,
В них звезды молодые.
Налей свой кубок, в блеске пира,
Забудь, что было встарь,
Тебе открыто утро Мира,
И ты в том Мире – Царь».

ЧТО МНЕ ПРАВИТСЯ

Что мне больше нравится в безднах мировых,
И кого отметил я между всех живых?

Альбатроса, коршуна, тигра, и коня,
Жаворонка, бабочку, и цветы огня.

Альбатрос мне нравится тем, что он крылат,
Тем, что он врывается в грозовой раскат.

В коршуне мне нравится то, что он могуч,
И, как камень, падает из высоких туч.

В тигре то, что с яростью мягкость сочетая,
И не знал раскаянья, Бога не видал.

И в других желанно мне то, что – их вполне,
Нравятся отдельностью все создания мне.

Жаворонок – пением, быстротою – конь,
Бабочка – воздушностью, красотой – огонь.

Да, огонь красивее всех иных живых,
В искрах – ликование духов мировых.

И крылат и властен он, в быстроте могуч,
И поет дождями он из громовых туч.

По земле он ластится, жаждет высоты,
В красные слагается страстные цветы.

Да, огонь красивее между всех живых,
В искрах ликование духов мировых.

В пламени ликующем – самый яркий цвет.
В жизни – смерть, и в смерти – жизнь. Всем живым – привет!

МОИ ЗВЕРИ

Мой зверь – не лев, излюбленный толпою,
Мне кажется, что он лишь крупный пес.
Нет, желтый тигр, с бесшумною стопой
Во мне рождает больше странных грез.

И символ Вакха, – быстрый, сладострастный,
Как бы из стали, меткий леопард,
Он весь – как гений вымысла прекрасный,
Отец легенд, зверь-бог, колдун и бард.

Еще люблю я черную пантеру,
Когда она глядит перед собой
В какую-то внежизненную сферу,
Как страшный Сфинкс в пустыне голубой.

Но, если от Азийских, Африканских
Святых пустынь мечту я оторву,
Средь наших дней, и плоских, и мещанских,
Моей желанной – кошку назову.

Она в себе, в изящной миньютюре,
Соединила этих трех зверей.
Есть искры у нее в лоснистой шкуре,
У ней в крови – бродячий хмель страстей.

Она проходит в комнатах бесшумно,
Всегда свою преследуя мечту,
Влюбляется внезапно и безумно,
И любит ведьм и любит темноту.

В ее зрачках – непознанная чара,
В них фосфор и круги нездешних сфер,
Она пленила страшного Эдгара,
Ей был пленен трагический Бодлер.

Два гения, влюбленные в мечтанья,
Мои два брата в бездне мировой,

Где нам даны безмерные страдания
И беспредельность музыки живой.

ЖАР-ПТИЦА

То, что люди называли по наивности любовью,
То, чего они искали, мир не раз окрасив кровью,
Эту чудную Жар-Птицу я в руках своих держу,
Как поймать ее, я знаю, но другим не расскажу.

Что другие, что мне люди! Пусть они идут по краю,
Я за край взглянуть умею и свою бездонность знаю.
То, что в пропастях и безднах, мне известно навсегда,
Мне смеется там блаженство, где другим грозит беда.

День мой ярче дня земного, ночь моя не ночь людская,
Мысль моя дрожит безбрежно, в запредельность убегая.
И меня поймут лишь души, что похожи на меня,
Люди с волей, люди с кровью, духи страсти и огня!

УЗЕЛ

Я нити завязал могучего узла, –
Добро и Красоту, Любовь и Силу Зла,
Спасение и Грех, Изменчивость и Вечность
В мою блестящую включил я быстротечность.

Он мой, безумный миг слияния – всего,
Ничто не ускользнет от взора моего.
Когда же я сотру весь яркий цвет мгновенья,
К себе я кликну Смерть, и с ней придет Забвенье.

ЗВЕЗДНЫЙ ХОРОВОД

Я заглянул во столько глаз,
Что позабыл я навсегда,
Когда любил я в первый раз,
И не любил – когда?

Как тот Севильский Дон Жуан,
Я Вечный Жид, минутный муж.
Я знаю сказки многих стран
И тайну многих душ.

Мгновенья нежной красоты
Соткал я в звездный хоровод.
Но неисчерпанность мечты
    Меня зовет – вперед.

Что было раз, то было раз,
Душе любить запрета нет.
Хочу я блеска новых глаз,
    Непознанных планет.

Волненье сладостной тоски
Меня уносит вновь и вновь.
И я всегда гляжу в зрачки,
    Чтоб в них читать – любовь.

ЗЫБИ ЗРАЧКОВ

Когда на меня напряженно глядят
    Безмолвные сотни зрачков,
И каждый блестящий мерцающий взгляд
    Хранит многозыблемость слов, –

Когда я стою пред немою толпой
    И смело пред ней говорю, –
Мне чудится, будто во мгле голубой,
    Во мгле голубой я горю.

Дрожит в углубленной лазури звезда,
    Лучи устремив с вышины,
Ответною чарой играет вода,
    Неверная зыбь глубины.

Как много дробящихся волн предо мной,
    Как зыбки мерцания снов,
И дух мой к волнам убегает волной,
    В безмолвное море зрачков.

ПЕСОК

Ровный, плоский, одноцветный,
Безглагольный, беспредметный,
Солнцем выжженный песок
Был когда-то в безднах Моря,
И над ним, о силе споря,
Шквал со шквалом биться мог.

И чудовища морские,
Меж стихий морских стихия,
С зыбким праздником в крови,
В неземной глубинной дали,
Трепетали, сочетали
Узы грузные любви.

Но над царством тем зеленым,
Миллион за миллионом,
Минул ток текучих лет.
И чудовища устали
Трепетать в глубинной дали,
И любви их больше нет.

И другая даль, немая,
В беспредельность убегая,
Молча свой проводит срок.
Спит – не спит в безвестной чаре,
В утомительной Сахаре,
Нескончаемый песок.

ВОРОЖБА

В час полночный, в чаще леса, под ущербною Луной,
Там, где лапчатые ели переметаны с сосной,
Я задумал, что случится в близком будущем со мной.

Это было после жарких, после полных страсти дней,
Счастье сжег я, но не знал я, не зажгу ль еще сильней,
Это было – это было в Ночь Ивановых Огней.

Я нашел в лесу поляну, где скликалось много сов,
Там для смелых были слышны звуки странных голосов,
Точно стоны убиенных, точно пленных к вольным зов.

Очертив кругом заветный охранительный узор,
Я развел на той поляне дымно-блещущий костер,
И взирал я, обращал я на огни упорный взор.

Красным ветром, желтым вихрем, предо мной возник огонь.
Чу! в лесу невнятный шепот, дальний топот, мчится конь.
Ведьма пламени, являйся, но меня в кругу не тронь!

Кто ж там скачет? Кто там плачет? Гулкий шум в лесу сильней.
Кто там стонет? Кто хоронит память бывших мертвых дней?
Ведьма пламеня, явись мне в Ночь Ивановых Огней!

И в костре возникла Ведьма, в ней и страх и красота,

Длинные волосы седые, но огнем горят уста,
Хоть седая – молодая, красной тканью обвита.

Странно мне знаком зловещий жадный блеск зеленых глаз,
Ты не в первый раз со мною, хоть и в первый – так зажглась,
Хоть впервые так тебя я вижу в этот мертвый час.

Не с тобой ли я подумал, что любовь – бессмертный Рай?
Не тебе ли повторял я: «О, гори и не сгорай»?
Не с тобой ли сжег я Утро, сжег свой Полдень, сжег свой Май?

Не с тобою ли узнал я, как сознание пьют уста,
Как душа в любви седеет, холодеет красота,
Как душа, что так любила, та же все – и вот не та?

О, знаком мне твой влюбленный блеск зеленых жадных глаз,
Жизнь любовью и враждою навсегда сковала нас,
Но скажи мне, что со мною будет в самый близкий час?

Ведьма пламени качнулась, и сильней блеснул костер,
Тени дружно заплясали, от костра идя в простор,
И змеиной красотой заиграл отливный взор.

И на пламя показала Ведьма огненная мне,
Вдруг увидел я так ясно, – как бывает в вещем сне, –
Что возникли чьи-то лики в каждой красной головне.

Каждый лик – мечта былая, то, что знал я, то, чем был,
Каждый лик – сестра, с которой в брак святой – душой – вступил,
Перед тем как я с проклятой обниматься полюбил.

Кровью каждая горела предо мною головня,
Догорела и истлела, почернела для меня,
Как безжизненное тело в пасти дымного огня.

Ведьма ярче разгорелась, та же все – и вот не та,
Что-то вместе мы убили, как рубин – ее уста,
Как расплавленным рубином, красной тканью обвита.

Красным ветром, алым вихрем, закрутилась над путем,
Искры с свистом уронила ослепительным дождем,
Обожгла и опьянила и исчезла... Что потом?

На глухой лесной поляне я один среди стволов,
Слышу вздохи, слышу ропот, звуки дальних голосов,
Точно шепот убиенных, точно пленных тихий зов.

Вот что было, что узнал я, что случилось со мной
Там, где лапы темных елей переметаны с сосной,
В час полночный, в час зловещий, под ущербною Луной.

ДЬЯВОЛ МОРЯ

Есть рыба – Дьявол Моря,
Она мала на взгляд.
Но в ней, с тобою споря,
Таится смертный яд.

Она – морское чудо.
Лови в морях, живой,
И рыб бери оттуда,
Но бойся рыбы той.

Когда она ужалит
Чуть зримым острием,
Твой челн туда причалит,
Где все, в свой час, уснем.

Живой – и смертный телом,
С душой – где бьют моря,
Иди к своим пределам,
В тебе горит заря.

В тебе так много дивных
Сокровищ, трав, и рыб.
Но там, в морях призывных,
Запретный есть изгиб.

И в чем изгиб случайный,
То каждый знает сам,
Но он смертельной тайной
Грозит всечасно нам.

И нам нельзя коснуться
Немого острия,
Иначе вдруг проснутся
Все пытки бытия.

Смертельно опечален,
Навеки сам не свой,
Зачахнешь ты, ужален
Душою, не змеей, –

Зубцом жестоким чуда,
Что хочет быть на дне.
Не все поймешь отсюда,
Что скрыто в глубине.

Живи – с душой не споря,
Не все ты трогай в ней.
Есть рыба Дьявол Моря

В морях души твоей!

КОЛДУНЬЯ

She who must be obeyed.

R. Haggard

Та, что должна быть послушной.

P. Haggard

– Колдунья, мне странно так видеть тебя.
Мне люди твердили, что ты
Живешь – беспощадно живое губя,
Что старые страшны черты:
Ты смотришь так нежно, ты манишь, любя,
И вся ты полна красоты. –

«Кто так говорил, может, был он и прав:
Жила я не годы, – всегда.
И много безумцев, свой ум потеряв,
Узнали все пытки, – о, да!
Но я как цветок расцветаю меж трав,
И я навсегда – молода».

– Колдунья, Колдунья, твой взор так глубок,
Я вижу столетья в зрачках.
Но ты мне желанна. Твой зыбкий намек
В душе пробуждает не страх.
Дай счастье с тобой хоть на малый мне срок,
А там – пусть терзаюсь в веках. –

«Вот это откроет блаженство для нас,
Такие слова я люблю.
И если ты будешь бессмертным в наш час,
Я счастье ваше продлю.
Но, если увижу, что взор твой погас,
Я тотчас тебя утоплю».

Я слился с Колдуньей, всегда молодой,
С ней счастлив был счастьем богов.
Часы ли, века ли прошли чередой?
Не знаю, я в бездне был снов.
Но как рассказать мне о сладости той?
Не в силах. Нет власти. Нет слов.

– Колдунья, Колдунья, ты ярко-светла,
Но видишь, я светел, как ты.
Мне ведомы таинства Блага и Зла,
Не знаю лишь тайн Красоты.

Скажи мне, как ткани свои ты сплела,
И как ты зажгла в них цветы? –

Колдунья взглянула так страшно-светло.
«Гляди в этот полный стакан».
И что-то как будто пред нами прошло,
Прозрачный и быстрый туман.
Вино золотое картины зажгло,
Правдивый возник в нем обман.

Как в зеркале мертвом, в стакане вина
Возник упоительный зал.
Колдунья была в нем так четко видна,
На ткани весь мир оживал.
Сидела она за станком у окна,
Узор за узором вставал.

Не знаю, что было мне страшного в том,
Но только я вдруг побледнел.
И страшно хотелось войти мне в тот дом,
Где зал этот пышный блестел.
И быть как Колдунья, за странным станком,
И тот же изведать удел.

Узор за узором живой Красоты
Менялся все снова и вновь.
Слагались, горели, качались цветы,
Был страх в них, была в них любовь.
И между мгновеньями в ткань с высоты
Пурпурная падала кровь.

И вдруг я увидел в том светлом вине,
Что в зале ковры по стенам.
Они изменялись, почудилось мне,
Подобно причудливым снам.
И жизнь всем владела на левой стене,
Мир справа был дан мертвецам.

Но что это, что там за сон бытия?
Войною захваченный стан.
Я думал, и мысль задрожала моя,
Рой смертных был Гибели дан.
Там были и звери, и люди, и я! –
И я опрокинул стакан.

Что сделал потом я? Что думал тогда?
Что было, что стало со мной?
Об этом не знать никому никогда
Во всей этой жизни земной.
Колдунья, как прежде, всегда – молода.
И разум мой – вечно с весной.

Колдунья, Колдунья, раскрыл твой обман
Мне страшную тайну твою.
И красные ткани средь призрачных стран
Сплетая, узоры я вью.
И весело полный шипящий стакан
За жизнь, за Колдунью я пью!

ОЧЕРТАНИЯ СНОВ

Long lines of light...
Shelley

Длинные линии света...
Шелли

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мне хочется снова дрожаний качели,
В той липовой роще, в деревне родной,
Где утром фиалки во мгле голубели,
Где мысли робели так странно весной.

Мне хочется снова быть кротким и нежным,
Быть снова ребенком, хотя бы в другом,
Но только б упиться бездонным, безбрежным,
В раю белоснежном, в раю голубом.

И, если любил я безумные ласки,
Я к ним остываю, совсем, навсегда,
Мне нравится вечер, и детские глазки,
И тихие сказки, и снова звезда.

РАННИМ УТРОМ

Ранним утром я видал,
Как белеют маргаритки.
Я видал, меж тяжких скал,
Золотые слитки.

В раннем детстве я любил
Тихий зал и шум на воле,
Полночь в безднах из светил,
И росинки в поле.

В раннем детстве я проник
В тишь планет и в здешний ропот,
Я люблю – безумный крик,
И нежнейший шепот.

ПРЕДДВЕРЬЯ

Зачем мы торопимся к яркости чувства,
В которой всех красок роскошный закат?
Помедлим немного в преддверьях Искусства,
И мягким рассветом насытим наш взгляд.

Есть много прозрачных воздушных мечтаний
В начальных исканьях наивной души,
Есть много плавучих, как сон, очертаний
В предутренних тучках, в неизвестной глуши.

Есть свежесть и тайна в младенческих взорах,
Там новые звезды в рожденье своем,
Слагаются там откровенья, в которых
Мы, прежние, утренней жизнью живем.

И много стыдливости, розовой, зыбкой,
В девическом лике, не знавшем страстей,
С его полустертой смущенной улыбкой,
Без знания жизни, судьбы, и людей.

О, много есть чар в нерасцветших растениях,
Что нам расцветут, через час, через миг.
Помедлим лелейно в своих наслажденьях, –
В истоках прозрачных так нежен родник.

ПОДО ЛЬДОМ

Над окованной льдом глубиной я иду,
И гляжу, и скольжу я на льду.
Лучезарна поверхность холодного льда,
Но темна подо льдами вода.

Там в студеных садах, в тишине темноты,
Цепеня, белеют цветы.
Дотянулся до льда несвободный цветок,
Но на воздух он выйти не мог.

И в душе у меня хорошо и светло,

Что-то к сердцу от сердца дошло.
О, лелейный цветок, ты дождешься весны,
Подожди в тишине глубины.

Если даже теперь и пронзил бы ты лед,
Этот воздух расцвет твой убьет.
О, прекрасный цветок, подожди до весны,
Ты увидишь все лучшие сны.

БЕЛЫЙ АНГЕЛ

От детских дней одна черта пленила
Мои мечты, в чьих зыбях таял сон,
В глаза печальный отблеск заронила,
В мой ум вошла как дальний тихий звон.

Мне снился грустный ангел, белоснежный,
С улыбкой сожаления в глазах,
Я с ним дышал одной печалью нежной,
Я видел бледный Рай в его слезах.

Он мне являлся в разные мгновенья,
И свет храню я этих беглых встреч.
Есть проблески, которым нет забвенья,
Есть взгляд без слов, его не молкнет речь.

Любил – еще люблю я – неземное,
Ум сердца – луч холодному уму,
Я верю в Небо, синее, родное,
Где ясно все неясное пойму.

С небесным я душой не разлучаюсь,
И, встретив чей-нибудь глубокий взор,
Я с ним, я с Белым Ангелом встречаюсь,
Таинственным и близким с давних пор.

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ В МОСКВЕ

Благовещение и свет,
Вербы забелели.
Или точно горя нет,
Право, в самом деле?

Благовестие и смех,
Закраснелись почки.
И на улицах, у всех

Синие цветочки.

Сколько синеньких цветков.

Отнятых у снега.

Снова мир и свеж и нов,

И повсюду нега.

Вижу старую Москву

В молодом уборе.

Я смеюсь и я живу,

Солнце в каждом взоре.

От старинного Кремля

Звон плывет волною.

А во рвах живет земля

Молодой травой.

В чуть пробившейся траве

Сон весны и лета.

Благовещенье в Москве,

Это праздник света!

Я НЕ ЗНАЮ МУДРОСТИ

Я не знаю мудрости, годной для других,

Только мимолетности я влагаю в стих.

В каждой мимолетности вижу я миры,

Полные изменчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что вам до меня?

Я ведь только облачко, полное огня.

Я ведь только облачко. Видите: Плыву.

И зову мечтателей... Вас я не зову!

ЕСТЬ ЛЮДИ...

Есть люди: мысли их и жесты

До оскорбительности ясны.

Есть люди: их мечты – как тихие невесты,

Они непознанно-прекрасны.

Есть люди – с голосом противным,

Как резкий жесткий крик шакала.

Есть люди – с голосом глубоким и призывным,

В котором Вечность задремала.

О, жалок тот, кто носит крики
В своей душе, всегда смущенной.
Блажен, с кем говорят негаснущие лики,
Его душа – как лебедь сонный.

ГОЛУБАЯ РОЗА

Фирвальдштетское озеро – Роза Ветров.
Под ветрами колышутся семь лепестков.
Эта роза сложилась меж царственных гор
В изумрудно-лазурный узор.

Широки лепестки из блистающих вод,
Голубая мечта, в них качаясь, живет.
Под ветрами встает цветовая игра,
Принимая налет серебра.

Для кого расцвела ты, красавица вод?
Этой розы никто никогда не сорвет.
В водяной лепесток – лишь глядится живой,
Этой розе дивясь мировой.

Горы встали кругом, в снеге рады цветам,
Юной Девой одна называется там.
С этой Девой далекой ты слита Судьбой,
Роза-влага, цветок голубой.

Вы давно замечались о горной весне,
Ваша мысль – в голубом, ваша жизнь – в белизне.
Дева белых снегов, голубых ледников,
Как идет к тебе Роза Ветров!

МЕРРЕКЮЛЬ

Ветры тихие безмолвны.
Отчего же плещут волны,
И несутся вперевой?
Им бы нужно в час вечерний
Биться, литься равномерней,
А меж тем растет прибой.

Отчего же? – Там далеко,
В безднах бледного Востока,
Светит пышная Луна.
А направо, точно лава,
Солнце светит величаво,

И под ним кипит волна.

В миг предсмертный, в час заката,
Солнце красное богато
Поразительным огнем.
Но волна в волну плеснула,
И, признав Луну, шепнула:
«Мы теперь сильнее, чем днем».

И меж тем как факел красный,
В отдаленности неясной,
Будет тлеть и догорать,
Лик Луны, во мгле безбрежной,
Будет, властный, будет, нежный,
Над волнами колдовать.

КОРОМЫСЛО

Коромысло, коромысло,
С нежными крылами,
Как оно легко повисло
В воздухе над нами.

Прилетает, улетает,
В ласковой лазури.
Для него она рождает
Блески, а не бури.

Коромысло, коромысло,
Почему мы пленны?
Если б знать, какие числа
Для тебя священны.

Наши числа приковали
Нас к земле угрюмой,
И в просторах вольной дали
Мы скользим лишь думой.

Но и в думах мало смысла,
Тяжесть в них земная.
Ты же гредишь, коромысло,
В воздухе летая.

ЛЕСНАЯ ЛИЛИЯ

Сонет

Над гладью зеркальной лесного затона,
Вся белая, лилия дремлет одна.
Мерцает во мгле, а с высот небосклона
К ней сходит в сиянье Луны тишина.

И лилия жаждет небесного сна.
Не зная ни жалоб, ни вздоха, ни стога,
Безбольно мечтает и любит она,
Над влагой глубокой ночного затона.

Безмолвно белеет, и вот в полусне
Ей видится небо, простор бесконечный,
Там ангел с невестой идет в вышине.

Ковер облачков расстилается млечный,
И лилия дышит в воздушном огне.
Как льнет к ней, идет к ней наряд подвенечный!

СНЕЖИНКА

Светло-пушистая,
Снежинка белая,
Какая чистая,
Какая смелая!

Дорогой бурною
Легко проносится,
Не в высь лазурную,
На землю просится.

Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя в безвестную
Страну низринула.

В лучах блистающих
Скользит, умелая,
Средь хлопьев тающих
Сохранно-белая.

Под ветром веющим
Дрожит, взметается,
На нем, лелеющем,
Светло качается.

Его качелями
Она утешена,
С его метелями

Крутится бешено.

Но вот кончается
Дорога дальная,
Земли касается
Звезда кристальная.

Лежит пушистая,
Снежинка смелая.
Какая чистая,
Какая белая!

РУЧЕЕК

Ручеечек, ручеек,
Ты как ниточка идешь.
Под тобой блестит песок,
Весел ты, хоть неглубок,
Ручеечек, ручеек,
Ты уходишь и поешь.

Словно девушка-дитя,
В малом зеркальце твоём,
Кудри в косы заплетая,
Травка смотрится, блестя,
С ней журчанием шутя,
Ты идешь своим путем.

Вьются пчелы меж стеблей,
Прогудит мохнатый шмель.
Ты бежишь скорей, скорей,
Вдруг неволя – среди камней,
Вспенясь, звонче, веселей,
Зажурчишь ты: «Мель, мель, мель!»

Нет, не смогут гольши
В мель сложиться ручейку.
В травяной, в лесной глуши,
Он, исполненный души,
Сам себе поет: «Спеши!»
И змеится по песку.

Может, он впадет в реку,
С ней до Моря дотечет,
Будет льнуть там к челноку.
Может, он в своем леску
Будет течь под крик: «Ку-ку»,
Что кукушка людям шлет.

Может, к мельнице придет,
Но уж ниточку свою
Он до цели доведет,
Он не медлит, он не ждет,
К колесу, блеснув, польет,
Закрутит свою струю.

Неширок ты, ручеек,
Неглубок ты, – ну так что ж!
Всем – свой разум, всем – свой срок,
Ты прекрасен был, чем мог.
Ручеечек, ручеек,
Ты бежишь и ты поешь.

БОЖЬЯ НЕВЕСТА

Розе дремлет, не спится,
Серебрится в ней роса,
С Неба дальнего струится
Первых блесков полоса.

Тем сияньем перевита,
В круглый храм свой – луч приняв,
Капля влаги, с Небом слита,
Розу нежит между трав.

Капля ласковая блещет,
Переливна в ней игра,
В ней дрожание трепещет
Бриллиантов, серебра.

В час рассвета розе алой
Быть прекрасною дано,
Для невесты каплей малой
Ожерелье сплетено.

И она под взором Бога
Розовеет, как мечта.
Вся небесная дорога
Блеском Солнца залита.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

В замке был веселый бал,
Музыканты пели.
Ветерок в саду качал

Легкие качели.

В замке, в сладостном бреду,
Пела, пела скрипка.
А в саду была в пруду
Золотая рыбка.

И кружились под Луной,
Точно вырезные,
Опьяненные Весной,
Бабочки ночные.

Пруд качал в себе звезду,
Гнулись травы гибко.
И мелькала там в пруду
Золотая рыбка.

Хоть не видели ее
Музыканты бала,
Но от рыбки, от нее,
Музыка звучала.

Чуть настанет тишина,
Золотая рыбка
Промелькнет, и вновь видна
Меж гостей улыбка.

Снова скрипка зазвучит,
Песня раздастся.
И в сердцах Любовь журчит,
И Весна смеется.

Взор ко взору шепчет: «Жду!»
Так светло и зыбко.
Оттого, что там в пруду –
Золотая рыбка.

ЛИНИИ СВЕТА

Длинные линии света
Ласковой дальней Луны.
Дымкою Море одето.
Дымка – рождение волны.

Волны, лелея, сплетают
Светлые пряди руна.
Хлопья плывут – и растают,
Новая встанет волна.

Новую линию блеска
Вытянет ласка Луны.
Сказка сверканий и плеска
Зыбью дойдет с глубины.

Влажная пропасть сольется
С бездной эфирных высот.
Таинство Небом дается,
Слитность – зеркальностью вод.

Есть полногласность ответа,
Только желай и зови.
Длинные линии света
Тянутся к нам от Любви.

МГНОВЕНЬЯ СЛИЯНИЯ

And was not this enough?
They met, they parted.
Shelley

Иль было мало им?
Встретились и расстались.
Шелли

КАК ПРИЗРАК

Я прихожу как призрак, я ухожу как тень,
Я полон тайн как вечер, я весь огонь как день.

Ты мне была желанна всего один лишь миг,
Но вдруг воскрес – так странно – в моей душе твой лик.

Я был тобою счастлив, ты мне была близка,
Мы были вне пределов, мы были два цветка.

И ты едва ли знала, что ты была моей,
А мне шептали мысли: «О, как ты счастлив с ней!»

Твой дух светло-прозрачный весь погружен был в сон,
А мой, нежней, смелее, был в этот сон влюблен.

Я твой опять, бесплотно. Смотри, как нежен день.
Я вновь пришел как призрак. Я вновь уйду как тень.

ИЗ-ПОДО ЛЬДА

Быть может, не было у нас
Весны воздушно-молодой,
Когда полдневный светит час
Над просветленною водой.

Весна пленительно-нежна
Для двух влюбленно-молодых,
Когда себе поет она
Лесной протяжный слитный стих.

Мы жили розно в те года,
Мы были розно и потом.
Но никогда, о, никогда
Цветок не стынет подо льдом.

Он ждет, под бледной чарой сна,
Чтоб, совершив круговорот,
И для него пришла весна,
И для него раскрылся год.

Он ждет, в признательной мечте,
Чтоб лед разрушился звеня,
И чтоб запели в высоте
Созвучья песен и огня.

Смотри, смотри: Идет весна,
Нам светит Солнце с высоты.
Ты мне навеки предана,
Я твой навеки. Мы – цветы.

ЛУННАЯ СОНАТА

1

Моя душа озарена
И Солнцем и Луной,
Но днем в ней дышит тишина.
А ночью рдеет зной.

И странно так, и странно так,
Что Солнце холодит.
И учит ласкам полумрак,
И страсть во тьме горит.

Сверкая, ширятся зрачки,

И льнут уста к устам.
За радость сладостной тоски
Я все, о, все предаю.

А глянет Солнце, я опять
И холоден и тих,
Чтоб ночью снова повторять
Влюбленный в ласки стих.

Моя душа увлечена
Не Солнцем, а Луной.
Побудь во мгле, и будь нежна,
Ты все поймешь со мной.

2

Лунным лучом и любовью слиянные,
Бледные, страстные, нежные, странные,
Оба мы замерли, счастьем скованы,
Сладостным, радостным сном зачарованы.

В Небе – видения облачной млечности,
Тайное пение – в сердце и в Вечности,
Там, в бесконечности – свет обаяния,
Праздник влияния правды слияния.

Это Луна ли, с покровами белыми,
Быть нам велела влюбленными, смелыми?
Мы ли, сердцами влюбленными нашими,
Небо наполнили пирными чашами?

Чашами радости, светлыми, пирными,
Лунною сказкой, цветами всемирными,
Сердцу лишь слышными звонкими струями,
Блеском зрачков, красотой, поцелуями.

Как я узнаю и как я разведу?
Знаю, что счастлив я нежной победою,
Знаю, ты счастлива мною, желанная,
Вольной Луною со мною венчанная.

3

О, миг пленительный, когда всемирно дышит
Невозмутимая лесная тишина,
И мы с тобой вдвоем, и сердце, дрогнув, слышит,
Как льет тебе и мне свой нежный свет Луна.

Успокоительно белея над холмами,
Рождает свежестью росу для трав лесных,

Глядит, бесстрастная, и ворожит над нами,
Внушая мысли нам, певучие как стих.

Мы зачарованы, мы, нежно холодея,
Друг с другом говорим воздушностью мечты,
Лелея тишину, и, чуткие, не смея
Нарушить ласкою безгласность красоты.

4

Вечерний час потух. И тень растет все шире.
Но сказкой в нас возник иной неясный свет,
Мне чудится, что мы с тобою в звездном мире,
Что мы среди немых загрязивших планет.

Я так тебя люблю. Но в этот час предлунный,
Когда предчувствием волнуется волна,
Моя любовь растет, как рокот многострунный,
Как многопевная морская глубина.

Мир отодвинулся. Над нами дышит Вечность.
Морская ширь живет влиянием Луны,
Я твой, моя любовь – бездонность, бесконечность,
Мы от всего с тобой светло отделены.

УТРО

На вершине горной коршун прокричал,
Ветер этот возглас до меня домчал,
Я рассвет весенний не один встречал.

Солнце протянуло острые лучи,
И они зардели, ярко-горячи,
И от них запели горные ключи.

О, как много силы и любви вокруг,
О, как нежно млеет этот горный луг,
Я с тобой душою, мой далекий друг.

Я гляжу в долину с горной высоты,
В мыслях, полных страсти, расцвели цветы,
В этом мире – Солнце, в этом сердце – ты.

ЖЕМЧУГ

1

Нежный жемчуг, Маргарита, –
Как поют в испанских песнях, –
Пели ангелы на Небе
В день рожденья твоего.

Пели ангелы и птицы,
И цвели в садах гвоздики,
Распускались, раскрывались
В блеске Солнца чаши роз.

Оттого лицом красивым
Ты на ангелов похожа,
И уста твои гвоздики,
Нежный голос – пенье птиц.

И мечтанья – светлый жемчуг,
Оттененный розой алой,
И глаза твои – как Небо,
Где бездонна глубина.

2

Мне радостно видеть, что в сердце моем
Есть нежность без жадных желаний,
Что в эту минуту, когда мы, вдвоем,
Как будто безгласную песню поем,
Так тихо в восторженном сердце моем,
Так много немых обаяний.

Ты светлая радость воздушного сна,
Восторг, но восторг не влюбленный,
Ты мне на мгновенье, как сказка, дана,
О, как ты спокойна, как стройно-нежна,
Минута, и вот убегает волна,
И я ухожу просветленный.

3

Паутинка сентябрьского дня,
Ты так нежно пленяешь меня.
Как живешь ты, под Солнцем блистая,
Как ты светишься – вся золотая!

Паутинка сентябрьского дня,
Ты блестяшь далеко от меня.
Но со мной ты на выжатом поле,
Ты со мною – под Солнцем, на воле.

Я хотел бы дышать белоснежным цветком,
Но в душе лепестки раскрываются алые.
О, мой друг, я с твоей белизной незнаком.
Я мерцаю раскрытым и страстным цветком.
Я люблю упоенья любви, запоздалые.
И в душе у меня, еле слышно звеня,
Сквозь восторг раздаются упреки усталые.

К ЕЛЕНЕ

О, Елена, Елена, Елена,
Как виденье, явись мне скорей.
Ты бледна и прекрасна, как пена
Озаренных Луною морей.

Ты мечтою открыта для света,
Ты душою открыта для тьмы.
Ты навеки свободное лето,
Никогда не узнаешь зимы.

Ты для мрака открыта душою,
Но во тьме ты мерцаешь как свет.
И, прозрев, я навеки с тобою,
Я твой раб, я твой брат, и поэт.

Ты сумела сказать мне без речи: –
С красотой красиво живи,
Полюби эту грудь, эти плечи,
Но, любя, полюби без любви.

Ты сумела сказать мне без слова: –
Я свободна, я вечно одна,
Как роптание моря ночного,
Как на небе вечером Луна.

Ты правдива, хотя ты измена,
Ты и смерть, ты и жизнь кораблей.
О, Елена, Елена, Елена,
Ты красивая пена морей.

ПЕСНЯ АРАБА

Есть странная песня араба, чье имя – ничто.

Мне сладко, что этот поэт меж людей неизвестен.
Не каждый из нас так правдив и спокоен и честен,
Нам хочется жить – ну, хоть тысячу лет, ну, хоть сто.

А он, сладкозвучный, одну только песню пропел,
И, выразив тайно свою одинокую душу,
Как вал Океана, домчался на бледную сушу,
И умер как пена, в иной удаляясь предел.

Он пел: «Я любил красоту. А любила ль она,
О том никогда я не знал, никогда не узнаю.
За первую встречей к иному умчался я краю,
Так Небо хотело и так повелела Луна.

Прекрасная дева на лютне играла, как дух,
Прекрасная дева смотрела глазами газели.
Ни слова друг другу мы с нею сказать не успели,
Но слышало сердце, как был зачарован мой слух.

И взгляд мой унес отраженье блистающих глаз.
Я прожил пять лет близ мечетей Валата-Могита.
Но сердцем владычица дум не была позабыта.
И волей созвездий второй мы увиделись раз.

Я встретил другую. Я должен спросить был тогда,
Она ли вот эта. Все ж сердце ее разглядело.
И счастлив я был бы, когда бы она захотела.
Но, слова не молвив, она отошла навсегда.

Мне не в чем ее упрекнуть. Мы не встретимся вновь.
Но мне никогда обещанья она не давала.
Она не лгала мне. Так разве же это так мало?
Я счастлив. Я счастлив. Я знал, что такое любовь!»

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЦВЕТОК

Любовь есть свет, что сходит к нам оттуда,
Из царства звезд, с лазурной высоты,
Она в нас будит жажду чуда
И красоты.

И красота есть луч, который тонет,
Вдали от Солнца, в сумраке теней,
Когда оно его уронит
В умы людей.

И, если дух людской пронизан светом,
Что шлет ему небесная звезда,
Он жадно мчится за ответом,

Туда, туда.

ЗВЕЗДА ЗВЕЗДЕ

Мне звезды рассказали: «Любви на небе нет».
Я звездам не поверил. Я счастлив. Я поэт.

Как сон тебя я вижу, когда влюбленный сплю,
И с грезой просыпаюсь и вновь тебя люблю.

Не в царственных пространствах, где дышит Орион,
Не там, где блещет Вега, мой светлый небосклон.

В твоих глазах я вижу бессмертную мечту,
Бессмертие сознания, любовь, и красоту.

И вот в пустынях неба не светится Луна,
Ты вечность победила, ты царствуешь одна.

Звезде – звездой влюбленной – я шлю свой луч живой,
С тобой навек далекий, теперь навек я твой.

* * *

Прекрасны улицы с толпой,
Волшебен праздничный наряд.
Но как прекрасней – быть с тобой,
Роня взгляд в глубокий взгляд.

Прекрасно, кончив смелый бой,
Упитья негой тишины.
Но как прекрасней – быть мольбой,
Быть криком страсти и весны.

Прекрасен сумрак голубой.
Но как прекрасней – в яркий час
Увидеть близко пред собой
Зрачки влюбленных женских глаз.

ПЕЧАЛЬ ЛУНЫ

Я вижу в мыслях белую равнину,
Вкруг Замка Джэн Вальмор.
Тебя своей мечтой я не покину,
Как мне забыть твой взор!

Поблекла осень с красками пожара,
Лежит седой покров.
И, бледная, на всем застыла чара
Невысказанных слов.

Все счастье, вся сладостная ложность
Живых цветов и трав
В безмолвную замкнулась невозможность,
Блаженство потеряв.

Заклятьем неземного чародея
Окована земля.
В отчаянье белеют, холодея,
Безбрежные поля.

И мертвую Луной замороженный,
Раскинулся простор.
И только бродит ветер возмущенный
Вкруг Замка Джэн Вальмор.

2

Дни убегают, как тени от дыма,
Быстро, бесследно, и волнообразно.
В сердце моем ты лелейно хранима.
В сердце моем ты всегда неотвязно.

Нет мне забвенья в блеске мгновенья
Грустно-блаженной улады прощанья,
Непогасимых лучей откровенья,
И недосказанных слов обещанья.

Тени меняются – звезды все те же,
Годы растратятся – небо все то же.
Радости светят нам реже и реже,
С каждым мгновеньем ты сердцу дороже.

Как бы хотелось увидеть мне снова
Эти глаза, с их ответным сияньем,
Нежно шепнуть несравненное слово,
Вечно звучащее первым признаньем.

Тихие, тихие, тучи седые,
Тихие, тихие, сонные дали,
Вы ей навейте мечты золотые
И о моей расскажите печали.

Вы ей скажите, что грустно и нежно
Тень дорогая душою хранима,
В шуме прибоя, что ропщет безбрежно
Бурями пламени, звуков, и дыма.

3

Ты мне была сестрой, то нежною, то страстной,
И я тебя любил, и я тебя люблю.
Ты призрак дорогой... бледнеющий... неясный...
О, в этот лунный час я о тебе скорблю!

Мне хочется, чтоб Ночь, раскинувшая крылья,
Воздушной тишиной соединила нас.
Мне хочется, чтоб я, исполненный бессилья,
В твои глаза струил огонь влюбленных глаз.

Мне хочется, чтоб ты, вся бледная от муки,
Под лаской замерла, и целовал бы я
Твое лицо, глаза, и маленькие руки,
И ты шепнула б мне: «Смотри, я вся – твоя!»

Я знаю, все цветы для нас могли возникнуть,
Во мне дрожит любовь, как лунный луч в волне.
И я хочу стонать, безумствовать, воскликнуть: –
«Ты будешь навсегда любовной пыткой мне!»

4

Мне видится безбрежная равнина,
Вся белая под снежной пеленой.
И там, вверху, застывшая как льдина,
Горит Луна, лелея мир ночной.

И чудится, что между нами – сказка,
Что между нами – таинство одно.
Безмолвна их бестрепетная ласка,
И холодно любить им суждено.

О, мертвое прекрасное Светило.
О, мертвые безгрешные снега.
Мечта моя, я помню все, что было,
Ты будешь вечно сердцу дорога.

РАЗЛУЧЕННЫЕ

1

Розоватый свет заката озаряет облака,
И волною просветленной плещет сонная река.
Еле плещет, еле дышит просветленная волна,
Точно чувствует и слышит, что подходит тишина.

Друг желанный, одинокий, о тебе моя печаль,
Я один в стране далекой, и тебя мне сердцем жаль.
Я, как ты, не знаю ласки, сохраняю поцелуй,
В час, когда мне шепчет сказки еле слышный лепет струй.

Если б нам убить пространство, друг мой, друг мой, сон мечты,
Я б с тобой устами слился, как со мной слилась бы ты.
Мы бы вместе проникались этой стройной тишиной,
Ты со мной бы чуть шепталась, как в реке волна с волной.

2

Прозвенит ли вдали колокольчик,
Колокольчик, во мгле убегающий, –
Догорает ли Месяц за тучкой,
Там за тучкой, бледнеющей, тающей, –

Наклонюсь ли я, полный печали,
О, печали глубоко-мучительной! –
Над водой, над рекой безглагольной,
Безглагольной, безгласной, томительной, –

Предо мною встаешь ты, родная,
Ты, родная и в сердце хранимая, –
Вдруг я вижу, что ты не забыта,
Позабытая, горько – любимая.

ТЕНЬ

Ты в жизни проходишь безучастною тенью,
И вечно опущен твой взор.
Ты сердцем уходишь к неземному селенью,
Уж там – с незапамятных пор.

Тебя повстречал я на великой дороге,
Ведущей в безвестную даль.
И мне показалось – мы стоим на пороге,
Чего-то обоим нам жаль.

И мне показалось, – и, быть может, обманно,
Быть может, с правдивостью сна, –

Друг другу мы близки, так воздушно и странно,
Так нежно ты мне суждена.

Мы думали оба, и мы оба молчали,
Но вдруг приподнявши свой взор,
Ты молча сказала в предвечной печали,
Я друг твой, я брат твой с тех пор.

И если б была ты не бесстрастную тенью,
И если б не сказкой был сон,
Я отдал бы сердце роковому томленью,
Но в сказку, я в сказку влюблен.

* * *

Когда я был мальчиком, маленьким, нежным,
Был кроток мой взор и глубок.
Ты знаешь, что утром, пред Морем безбрежным
Горит золотистый песок?

Когда я был юношей, робким и странным,
Я вечной был полон тоской.
Ты знаешь, что вечером, в свете туманном,
Русалки поют над рекой?

Когда я стал страстным, желанным и властным,
Целую я всех на пути.
Ты знаешь, что ночью, в тумане неясном,
Так страшно, так страшно идти?

МАСКИРОВАННЫЙ БАЛ

No vivas en flor.

Не живи как цветок.
Испанская поговорка

О, цветы красоты! Вы с какой высоты?
В вас неясная страстная чара.
Пышный зал заблистал, и ликуют мечты,
И воздушная кружится пара.

«Не живи как цветок. Он живет краткий срок,
От утра и до вечера только.
Так прожить – много ль жить? Жизнь его лишь намек.
О, красивая нежная полька!»

«Лишь намек, говоришь. Но и сам ты горишь,
Закружил ты свой бешеный танец.
Ты минуту живешь, и ты ложь мне твердишь,
На минуту влюбленный испанец.

«Я живу как цветок, я дневной мотылек,
Я красивая нежная полька.
Я хоть час, но живу, и глубок мой намек,
Ты мгновение кружишься только!»

«Что мгновенье и час для тебя и для нас, —
Раз цветок, для чего ж ты считаешь?
Ты цвети и гори. Если ж вечер погас,
Говори, что как тучка растаешь.

«О, живи как цветок! Мне отдай свой намек.
Мы продлим наш ликующий танец.
Не ропщи, трепеща, золотой мотылек,
Я безумно влюбленный испанец!»

ПРОКЛЯТИЯ

Love that turns hate...
Shelley

Любовь, которая превращается в ненависть...
Шелли

ОТРЕЧЕНИЕ

Красивы сочетания светил,
Пленительна зеленая планета,
Где человек свой первый миг вкусил.

В пространстве много воздуха и света,
И каждый день, в определенный час,
Земля огнем рубиновым одета.

Источник новых мыслей не погас,
Источник новых чувств горит всечасно,
И тот, кто любит, любит в первый раз.

Цветы цветут, их чаши дышат страстно,
Желанны их цветные лепестки,
И роскошь их оттенков полновластна.

Безгласное течение реки
И призрачно-зеркальные озера
Внушают больше неги, чем тоски.

Вершины гор – пьянящий пир для взора,
Бессмертно-свеж безбрежный океан,
И что нежнее ленного узора.

Прекрасна разность всех различных стран,
Просторны и равнины и провалы,
В мираже обольстителей обман.

И губы женщин ласковы и алы,
И ярки мысли избранных мужчин,
Но так как все в свой смертный час устало, –

И так как жизнь не понял ни один,
И так как смысла я ее не знаю, –
Всю смену дней, всю красочность картин,

Всю роскошь солнц и лун – я проклинаяю!

ЗЛАЯ НОЧЬ

Нет, Ночь! Когда душа, мечтая,
Еще невинно-молодая,
Блуждала – явное любя,
Казалось мне, что ты – святая,
Но блекнут чары, отпадая, –
Старуха, страшная, седая,
Я отрекаюсь от тебя!

Ты вся – в кошмарностях, в разорванных мечтаньях,
В стихийных шорохах, в лохмотьях, в бормотаньях,
Шпионов любишь ты, и шепчет с Ночью раб,
Твои доносчики – шуршанья змей и жаб.

Ты речь окольную с больной душой заводишь,
И по трясинам с ней, и по тоске с ней бродишь.
Распространяешь чад, зловещий сон и тишь,
Луну ущербную и ту гасить спешишь.

Проклятие душе, коли тебе поверит,
Все расстоянья Ночь рукою черной мерит.
Рукою мертвою мешаешь все, мутит,
Пугает, мучает, удавно шелестит.

Всю грязь душевную взмесив, как слизь в болоте,

В Раскаянье ведет, велит хлестать Заботе.
Прикинется, что друг, заманит в разговор,
И скажешь те слова, в которых – смерть, позор.

Незабываемо-ужасные признанья,
Что ждали искры лишь, толчка, упоминанья.
Чтобы проснуться вдруг, и, раны теребя,
Когтистой кошкою нависнуть на тебя.

Ты хочешь сбросить гнет, не чувствовать, не видеть,
Но для существ иных, все в том, чтоб ненавидеть,
Качаться страхами, силками изловить,
Детоубийствовать, не отпускать, давить.

Что было точкою – гора, не опрокинешь,
И лапы чудища лежат, и их не сдвинешь.
Глаза глядят в глаза, рот близок, жаден... Прочь!
О, ненавистная, мучительная Ночь!

Последней волею, упорной,
На миг отброшен Призрак Черный,
Не знаем – как, не знаем – чей.
В зловещем Замке Заключение –
Тяжелый вздох, и облегченье,
И блеск испуганных очей.
Страх тут, он здесь, но стал он дальным,
В молчанье темном и печальном,
Невольно должен ум молчать.
В угрозе, в мраке погребальном,
Весь мир стал снова изначальным,
Весь мир – замкнутый дом, и на замке печать.

Вновь Хаос к нам пришел и воцарился в мире,
Сорвался разум мировой,
И миллионы лет в Эфире,
Окутанном угрюмой мглой,
Должны мы подчиняться гнету
Какой-то Власти неземной,
Непобедимую дремоту
Вбирать, как чару Силы злой,
И видеть всюду мрак могильный,
И видеть, как за слоем слой,
Покров чуть видимый, но пыльный
На разум падает бессильный,
И сетью липнет над душой.

* * *

Он был из тех, на ком лежит печать

Непогасимо-яркого страдания,
Кто должен проклинать или молчать,
Когда звучат аккорды мироздания.

Средь ликов, где прозрачен каждый взгляд,
Средь ангелов, поющих светлым хором,
И вторящих свой вечный «Свят, свят, свят», –
Он вспыхнул бы и гневом, и укором.

Нет, в нем сверкал иной зловещий свет,
Как факел он горел на мрачном пире:
Где есть печаль, где стон, там правды нет,
Хотя бы красота дышала в мире.

«Ответа – сердцу, сердцу моему!»
Молил он, задыхаясь от страдания,
И демоны являлись к нему,
Чтоб говорить о тайнах мироздания.

Он проклял Мир, и вечно-одинок,
Замкнул в душе глубокие печали,
Но в песнях он их выразить не мог,
Хоть песни победительно звучали.

И полюбил он в Мире только то,
Что замерло в отчаянье молчанья:
Вершины гор, где не дышал никто,
Безбрежность волшебства их без названья.

Ночных светил неговорящий свет,
И между них, с их правильным узором,
Падение стремительных комет,
Провал ночей, пронзенный метеором.

Все то, что, молча, выносив свой гнет,
Внезапной бурей грянет в миг единый,
Как чистый снег заоблачных высот
Стремится вниз – губительной лавиной.

* * *

Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша.
Мое единое отечество –
Моя пустынная душа.

С людьми скучаю до чрезмерности,
Одно и то же вижу в них,
Желаю случая, неверности,

Влюблен в движение и в стих.

О, как люблю, люблю случайности,
Внезапно взятый поцелуй,
И весь восторг – до сладкой крайности,
И стих, в котором пенье струй.

НЕВЕРНОМУ

1

Когда бы я к тебе не приходил,
Ты был всегда неотразимо-цельным,
Властительным, как голос из могил,
С лицом волхва, каким-то запредельным.

И я в тебе искал нездешних сил.
Но ты стал кротким, тихим, колыбельным.
Зачем же ты Святыне изменил,
Меня взманив обетом беспредельным?

Скажи мне, почему теперь, когда
Тень женщины с тобою навсегда,
Мне хочется – не говорить с тобою,

А птицей, с птицей, выхватив, любя,
Ее, твою, исчезнуть от тебя,
И хохотать за бездной голубою?

2

Неверный, ты наказан будешь мной,
При всей моей любви к глубоким взорам
Твоих блестящих глаз. О, дух земной,
Заемным ты украшен был убором.

Ты высился звездой предо мной.
Ты звал меня к заоблачным озерам,
К тому, что вечно скрыто тишиной,
Не создано, но встанет шумным бором.

Как я любил читать в твоих глазах
Любовь к любви, без женщины, без жизни,
Как любят звуки звонко петь на тризне.

А! самовластник, в замке, на горах,
Ты изменил ненайденной Отчизне.
Так жди меня. Я вихрь. Я смерть. Я страх.

РАЗЛИЧНЫЕ

В нас разное светит откровенье,
И мы с тобой не властны слиться,
Хотя мы можем на мгновение
В лучах одной мечты забыться.
Не оскорбись, но оскорбление
Я нанесу тебе невольно.
Мы два различные явления,
Моей душе с твоею больно.

Ты, может быть, мой брат влюбленный,
Но, брат мой, ты мой враг заклятый.
И я врываюсь, испуганный,
В твои дремотные палаты.
Ты – успокоенный и сонный,
Ты ждешь так мудро над водою.
А я – стихийно-разрешенный,
Живу стремительной мечтою.

Ты иссушил источник жгучих
Правдиво-ярких заблуждений.
А я всегда среди певучих
Сирено-гибельных видений.
Ты – в числах дробных и тягучих,
Ты весь – в рассекновеньях Мира.
Я – в вечно-чувствующих тучах,
Я – в скоротечном блеске пира.

ДАЛЕКИМ БЛИЗКИМ

Мне чужды ваши рассуждения: –
«Христос», «Антихрист», «Дьявол», «Бог».
Я нежный иней охлаждения,
Я ветерка чуть слышный вздох.

Мне чужды ваши восклицания: –
«Полюбим тьму», «Возлюбим грех».
Я причиняю всем терзания,
Но светел мой свободный смех.

Вы так жестоки – помышлением,
Вы так свирепы – на словах.
Я должен быть стихийным гением,
Я весь в себе – восторг и страх.

Вы разделяете, сливаете,
Не доходя до бытия.
Но никогда вы не узнаете,
Как безраздельно целен я.

* * *

О, да, молитвенна душа,
И я молюсь всему.
Картина Мира хороша,
Люблю я свет и тьму.
Все, что приходит, то прошло,
В воспоминании светло
Живут добро и зло.

Но, чтоб в душе была волна
Молитвенной мечты,
В явленье цельность быть должна,
Должны в нем жить черты.
Чем хочешь будь: будь добрый, злой.
Но будь же честен за игрой,
Явись – самим собой.

Пусть будет в смерть твоя игра,
Пусть ты меня убьешь, –
Пойму, что мне уйти пора,
Пойму я все, – не ложь.
Я только цельному молюсь,
И вечно мерзки мне, клянусь,
Ханжа, глупец, и трус.

СТАРАЯ ПЕСЕНКА

Mamma, mamma! perché lo dicesti?
– Figlia, figlia! perché lo facesti?
Из неумирающих разговоров

Мама, мама! Зачем ты это сказала?
Дочка, дочка! Зачем ты это сделала? (*Итал.*)

Жили в мире дочь и мать.
«Где бы денег нам достать?»
Говорила это дочь.
А сама – темней, чем ночь.

«Будь теперь я молода,
Не спросила б я тогда.
Я б сумела их достать».
Говорила это мать.

Так промолвила со зла.
На минуту отошла.
Но на целый вечер прочь,
Прочь ушла куда-то дочь.

«Дочка, дочка – Боже мой! –
Что ты делаешь со мной?»
Испугалась, плачет мать.
Долго будет дочку ждать.

Много времени прошло.
Быстро в мире ходит Зло.
Мать обмолвилась со зла.
Дочь ей денег принесла.

Помертвела, смотрит мать.
«Хочешь деньги сосчитать?»
«Дочка, дочка – Боже мой!
Что ты сделала с собой?»

«Ты сказала – я пошла».
«Я обмолвилась со зла».
«Ты обмолвилась, – а я
Оступилась, мать моя».

К СЛУЧАЙНОЙ

Опрокинулось Небо однажды, и блестящею кровью своей
Сочеталось, как в брачном союзе, с переменною Влагой морей.
И на миг вероломная Влага с этой кровью небесною слита,
И в минутном слиянье двух светов появилась в мир Афродита.

Ты не знаешь старинных преданий? Возмущаясь, дивишься ты вновь,
Что я двойственен так, вероломен, что люблю я мечту, не любовь?
Я ищу Афродиту. Случайной да не будет ни странно, ни внове,
Почему так люблю я измену и цветы с лепестками из крови.

* * *

Чем выше образ твой был вознесен во мне,
Чем ярче ты жила как светлая мечта,

Тем ниже ты теперь в холодной глубине,
Где рой морских червей, где сон, и темнота.

За то, что ты лгала сознанию моему,
За то, что ты была поддельная звезда,
Твой образ навсегда я заключил в тюрьму.
Тебе прощенья нет. Не будет. Никогда.

МАЛЕНЬКАЯ ПТИЧКА

Маленькая птичка, что ты мне поешь?
Маленькая птичка, правду иди ложь?

– Я пою, неверный, от души пою,
Про любовь и счастье, про любовь мою. –

Маленькая птичка, что в ней знаешь ты?
Я большой и сильный, как мои мечты.

– Маленькое тельце любит как твое.
Глупый, в этом правда, ты забыл ее. –

Маленькая птичка, все же я большой.
Как же быть? Не знаю. Пой мне, птичка, пой!

ТАК СКОРО

Так скоро ты сказала:
«Нет больше сил моих».
Мой милый друг, так мало?
Я только начал стих.

Мой стих, всегда победный,
Желает красоты.
О, друг мой, друг мой бедный,
Не отстрадала ты.

Еще я буду, в пытке,
Терзаться и терзать.
Я должен в длинном свитке
Легенду рассказать.

Легенду яркой были
О том, что я – любовь,
О том, как мы любили,
Как любим вновь и вновь.

И вот твоих мучений
Хочу я как моих.
Я жажду пенопений,
Я только начал стих.

ПРИЛИВ

Морской прилив растет, подъятый глубиной,
Валы запенились – седьмой, восьмой, девятый.
Я чувствую тебя. Ты счастлива со мной.
Мы возрастающей надеждою богаты.
Мы схвачены волной.

Как полнозвучны сны и звоны Океана!
Стократ воспетая, вся бездна поднялась.
Я слышу гул войны, спешащей из тумана,
Неумолимая толпа идет на нас,
Всей силой вражеского стана.

О, ленный блеск воды, ты вспыхнул и погиб.
Откинут гул валов, – и на песках размытых
Лишь стебли трав морских, согнутых вперегиб,
Осколки раковин, приливом позабытых,
И трупы бледных рыб.

ДОВОЛЬНО

Я был вам звенящей струной,
Я был вам цветущей весной,
Но вы не хотели цветов,
И вы не расслышали слов.

Я был вам призывом к борьбе,
Для вас я забыл о себе,
Но вы, не увидев огня,
Оставили молча меня.

Когда ж вы порвали струну,
Когда растоптали весну,
Вы мне говорите, что вот
Он звонко, он нежно поет.

Но если еще я пою,
Я помню лишь душу мою,
Для вас же давно я погас,

Довольно, довольно мне вас.

МОИ ПРОКЛЯТИЯ

Мои проклятия – обратный лик любви,
В них тайно слышится восторг благословенья.
И ненависть моя спешит, чрез утоленья,
Опять, приняв любовь, зажечь пожар в крови.

Я прокляню тебя за низость обмеленья,
Но радостно мне знать, что мелкая река,
Приняв мой снег и лед, вновь будет глубока,
Когда огонь весны создаст лучи и пенье.

Когда душа в цепях, в душе кричит тоска,
И сердцу хочется к безбрежному приволью.
Чтоб разбудить раба, его я раню болью,
Хоть я душой нежней речного тростника.

Чу, песня пронеслась по вольному раздолью,
Безумный блеск волны, исполненной любви,
Как будто слышен зов: «Живи! Живи! Живи!»
То льды светло звенят, отдавшись водополью.

БЕЗРАДОСТНОСТЬ

Come, darkness!
Shelley

Тьма, сойди!
Шелли

БЕЗРАДОСТНОСТЬ

Сонет

Мне хочется безгласной тишины,
Безмолвия, безветрия, бесстрастья.
Я знаю, быстрым сном проходит счастье.
Но пусть живут безрадостные сны.

С безрадостной бездонной вышины
Глядит Луна, горят ее запястья.

И странно мне холодное участие
Владычицы безжизненной страны.

Там не звенят и не мелькают пчелы.
Там снежные безветренные доли,
Без аромата льдистые цветы.

Без ропота безводные пространства,
Без шороха застывшие убранства,
Без возгласов безмерность красоты.

ВОЗДУШНОСТЬ

Как воздушно в нежном сердце у меня!
Чуть трепещут очертания страстей,
Все видения оконченного дня,
Все минутности предметов и людей.

Самого себя бесплотным двойником
Вижу в ясной успокоенной воде.
Был себе я странным другом и врагом,
Но уж больше не найти себя нигде.

Только тень моя качается едва
Над глубокой зачарованной водой.
Только слышатся последние слова
Нежной жалости о жизни молодой.

ПРОЩАНИЕ

Далеко предо мною
Мерцают маяки,
Над водной пеленою,
Исполненной тоски.

Налево – пламень красный,
Направо – голубой.
Прощай, мой друг прекрасный,
Прощаюсь я с тобой.

Плыву я к голубому
Прозрачному огню.
К нему, всегда живому,
Свой дух я преклоню.

Той пристани прекрасной,

Где звон призывных струн,
Где пламень ярко-красный,
Где царствует бурун, –

Той сказке позабытой
Я горький шлю привет,
Мечте моей изжитой
В ней места больше нет.

Я жажду прорицаний
Застывшей тишины.
Серебряных мерцаний
Чуть глянувшей Луны.

Я жажду голубого
Небесного цветка,
Хочу родиться снова, –
Приди ко мне, тоска.

Тоска о жизни красной
Вне бездны голубой...
Прощай, мой друг прекрасный,
Прощаюсь я с тобой.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ

Есть в Русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора,
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далеко-далеко.
Во всем утомленье, глухое, немое.

Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада. –
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,

И плачет, и плачет, и плачет невольно.

ПОДНЕВОЛЬНОСТЬ

Когда я думаю, что рядом,
Вот здесь, кругом, передо мной:
Безмерным преданы отрадам,
Ликуют духи, мир иной, –

В той комнате, где дни и ночи,
Как каторжник, забыв про сон,
Так бьюсь я, не смыкая очи,
Все бьюсь, к работе присужден, –

Когда я думаю, что годы,
С печальной бледностью лица,
В окно все тот же лик Природы
Я буду видеть без конца, –

И сердцем, более не юным,
Я буду, догорая, тлеть,
Внимать метелям и бурунам,
Слабеть, сесть, и холодеть, –

Вдруг сам себе тогда я страшен,
Я содрогаюсь, как в бреду,
Как будто я с высоких башен
Вот-вот на землю упаду.

А между тем так близко, рядом,
Но не слиянные со мной,
Безбрежным преданы усладам,
Сплетают духи мир иной.

КАТОРЖНИК

Если вы в полдневной дреме,
В замиранье сладких снов,
Я в рождающей истоме,
Я в рабочем страшном доме,
В стуче дружных молотков.

Не входите, не глядите,
Нет, не слушайте меня,
Пауки сплетают нити,
С пауком и вы плетите

Паутинки в блеске дня.

Замирайте в нежной дреме,
Мне же – каторжником быть,
Мне не видеть счастья, кроме
Как работать в страшном доме,
Намечать, стучать, дробить.

ВЫБОР

1

Будь свободным, будь как птица, пой, тебе дана судьба.
Ты не можешь быть как люди, ты не примешь лик раба.

Ежедневный, ежечасный, тупо-скромный, скучный лик,
Это быть в пустыне темной, быть казненным каждый миг.

Ты не можешь, ты не можешь, – о, мой брат, пойми меня, –
Как бы мог ты стать неярким, ты, рожденный от Огня.

Это – страшное проклятье, это – ужас: быть как все.
Ты свободный, луч, горящий – в водопаде и в росе.

Ты порою мал и робок, но неравенство твоё –
Жизнь стихии разрешенной, сохрани в себе её.

Ты сейчас был мал и робок, но судьба тебе дана.
Вот ты вспыхнул, вот ты Солнце. Вся лазурь твоя, до дна.

2

Нет, мой брат, не принимаю
Гордый твой завет.
Я иду к иному раю,
Я люблю спокойный свет.

Ежедневный, ежечасный,
Свет души – на дне,
Тем прекрасный, что, бесстрастный,
Неизменен он во мне.

Брат мой, кто ты? Что ты знаешь
Обо всех других?
Ты неярких проклинаешь,
Я для них пою свой стих.

Ты сказал, что я сияю

В капельке, в росе, –
Это я благословляю,
Я желаю быть как все.

Все мы капли в вечном Море,
Нет различья в нас.
Все мы боль таим во взоре
В наш последний смертный час.

Это – страшное проклятье:
Презирать других.
Всех люблю я без изъятия,
Я для всех пою свой стих.

ОТДАЛ СЕБЯ

Отдать себя на растерзание,
Забывать слова – мое, твое,
Изведать пытку истязания,
И полюбить как свет ее.

Не знать ни страха, ни раскаянья,
Благословить свою печаль,
Благословить свое отчаянье,
Сказать – мне ничего не жаль.

Быть равным с низкими, неравными,
Бред криком – нежным быть как вздох:
Так правят силами державными,
Так меж людей ты будешь Бог.

ТИШЕ, ТИШЕ

Тише, тише совлекайте с древних идолов одежды,
Слишком долго вы молились, не забудьте прошлый свет,
У развенчанных великих как и прежде горды вежды,
И слагатель вещей песен был поэт и есть поэт.

Победитель благородный с побежденным будет ровен,
С ним заносчив только низкий, с ним жесток один дикарь.
Будь в раскате бранных кликов ясновзoren, хладнокровен,
И тогда тебе скажу я, что в тебе мудрец – и царь.

Дети Солнца, не забудьте голос меркнувшего брата,
Я люблю в вас ваше утро, вашу смелость и мечты,
Но и к вам придет мгновенье охлаждения и заката. –

В первый миг и в миг последний будьте, будьте как цветы.

Расцветайте, отцветайте, многоцветно, полновластно,
Раскрывайте все богатство ваших скрытых юных сил,
Но в расцвете не забудьте, что и смерть, как жизнь, прекрасна,
И что царственно величье холодеющих могил.

ПЕЧАЛЬНИЦА

Она живет среди видений,
В ее глазах дрожит печаль,
В них ускользающая даль
И умирающие тени.

Она поникла как цветок,
Что цвел в пустыне заповедной,
И вдруг поблек, печальный, бледный,
Не довершив свой полный срок.

В ней неразгаданное горе,
Ей скучен жизни ровный шум,
В ней той печалью полон ум,
Какою дышат звезды в Море.

Той бледностью она бледна,
Которую всегда заметишь,
Когда монахиню ты встретишь,
Что смертью жить осуждена.

Жить ежечасным умираньем
И забывать свои мечты, –
И Мир, и чары Красоты
Считать проклятием, изгнаньем!

ЦАРСТВО ТИХИХ ЗВУКОВ

Царство тихих звуков, ты опять со мной,
Маятник невнятный бьется за стеной.
В ровном коридоре мерные шаги.
Близкие ли это? Злые ли враги?

Я люблю волнение позлащенных нив,
На опушке леса вечер так красив.
Над простором вольным водной глубины
Дымно дышат чары царственной Луны.

Нет, я должен, должен полюбить печаль,
Не искать блаженства, не стремиться вдаль.
Не желать блаженства вечных перемен,
Нет, уйти нельзя мне от бесцветных стен.

Тонкая, но властно, вытянулась нить,
Бледного кого-то должен я щадить.
Кто-то дышит близко, грустный и родной,
Чье-то сердце глухо бьется за стеной.

БОЛОТО

Прерывистые строки

Miles and miles and miles of desolation
Leagues on leagues on leagues without a change.
Swinburne

На сотни миль лишь пустота,
Тысячи лье однообразья.
Суинберн

На версты и версты протянулось болото,
Поросшее зеленой обманною травой.
Каждый миг в нем шепчет, словно плачет кто-то,
Как будто безнадежно тоскует над собой.

На версты и версты шелестящая осока,
Незабудки, кувшинки, кувшинки, камыши.
Болото раскинулось властно и широко,
Шепчутся стебли в изумрудной тиши.

На самом зеленом изумрудном месте
Кто-то когда-то погиб навсегда.
Шел жених влюбленный к любящей невесте,
Болото заманило, в болоте нет следа.

И многих манит к обманным изумрудам,
Каждому хочется над бездонностью побыть.
Каждый, утомившись, ярко грезит чудом,
И только тот живет, кто может все забыть.

О, как грустно шепчут камыши без счета,
Шелестящими шуршащими стеблями говорят.
Болото, болото, ты мне нравишься, болото,
Я верю, что божественен предсмертный взгляд.

СТАРЫЙ ДОМ

Прерывистые строки

В старинном доме есть высокий зал,
Ночью в нем слышатся тихие шаги,
В полночь оживает в нем глубина зеркал,
И из них выходят друзья и враги.

Бойтесь безмолвных людей,
Бойтесь старых домов,
Страшитесь мучительной власти несказанных слов,
Живите, живите – мне страшно – живите скорей.

Кто в мертвую глубь враждебных зеркал
Когда-то бросил безответный взгляд,
Тот зеркалом скован, и высокий зал
Населен тенями, и люстры в нем горят.

Канделябры тяжелые свет свой льют,
Безжизненно тянутся отсветы свечей,
И в зал, в этот страшный призрачный приют
Привиденья выходят из зеркальных зыбей.

Есть что-то змеиное в движении том,
И музыкой змеиною вальс поет,
Шорохи, шелесты, шаги... О, старый дом,
Кто в тебя дневной неполночный свет прольет?

Кто в тебе тяжелые двери распахнет?
Кто воскресит нерасказанность мечты?
Кто снимет с нас этот мучительный гнет?
Мы только отражения зеркальной пустоты.

Мы кружимся бешено один лишь час,
Мы носимся с бешенством, скорее и скорей,
Дробятся мгновения и гонят нас,
Нет выхода, и нет привидениям дверей.

Мы только сплетаемся в пляске на миг,
Мы кружимся, не чувствуя за окнами Луны,
Пред каждым и с каждым его же двойник,
И вновь мы возвращаемся в зеркальность глубины.

Мы, мертвые, уходим незримо туда,
Где будто бы все ясно и холодно-светло,
Нам нет возрождения, не будет никогда,
Что сказано – отжито, не сказано – прошло.

Бойтесь старых домов,
Бойтесь тайных их чар,

Дом тем более жаден, чем он более стар,
И чем старше душа, тем в ней больше задавленных слов.

* * *

Я больше ни во что не верю,
Как только в муку и печаль,
И в бесконечную потерю,
И в отнимающую даль.

Я был, как все, красив и молод,
Но торжествующий цветок
В свой должный миг воспринял холод
И больше нежным быть не мог.

Мне никогда не вспыхнуть снова,
Себя и взоры веселя,
И Небо низко и свинцово,
И вся безрадостна Земля.

* * *

Отчего мне так душно? Отчего мне так скучно?
Я совсем остываю к мечте.
Дни мои равномерны, жизнь моя однозвучна,
Я застыл на последней черте.

Только шаг остается, только миг быстроекрылый,
И уйду я от бледных людей.
Для чего же я медлю пред раскрытой могилой?
Не спешу в неизвестность скорей?

Я не прежний веселый, полубог вдохновенный,
Я не гений певучей мечты.
Я угрюмый заложник, я тоскующий пленный,
Я стою у последней черты.

Только миг быстроекрылый, и душа, альбатросом,
Унесется к неведомой мгле.
Я устал приближаться от вопросов к вопросам,
Я жалею, что жил на Земле.

* * *

Медленно, тягостно, в русла забытые
Воды вступают уставшие.
Время, пространство, мысли изжитые,
Снова в сознание мое перелитые,
Вместе со мною так ярко мечтавшие,
Счастья не давшие,
Дым от огня,
Бросьте меня, беглецы запоздавшие,
Я уже в царстве нездешнего дня,
Бросьте меня.

Я КАК ОБЛАКО

Я как облако в миг равнодушного таянья,
Я храню еще отблеск последних лучей,
Но во мне уже нет ни надежд, ни раскаянья,
Ни тревоги земной, только холод отчаянья,
Тишь сознания, что мне не сверкнуть горячей.

Я громами смеялся во мгле отдаления,
Я вокруг молнии пел перекличкой громов,
Я земных научил красоте исступления,
Свежей влагой поил и пески и растения,
Я был чудом для душевных немых теремов.

Есть безгласность и тишь у преддверия Вечности,
Есть слова, что живут, но без речи, не тут.
Есть полет облаков, переливы их млечности.
Есть минутный восторг, есть покой Бесконечности,
И красивы цветы, что весною цветут.

Далеко, далеко, над высокими кручами,
Ходит ветер, туман собирая кругом.
Мир упьется созвучьями, снова – могучими,
Ходит ветер, и весело грезит он тучами.
Я над ветром. Один. Я забыл обо всем.

УМИРАЮЩИЙ

Как странно, как страшно в бездонной Вселенной,
Томясь ежечасно, всечасно тону,
Я смертью захвачен, я темный, я пленный.
Я в пытке бессменной иду в глубину.

Один я родился, один умираю,

И в смерти живу бесконечно один.
К какому иду я безвестному краю?
Не знаю, не знаю, я – в страхах глубин.

Я знаю, есть Солнце, там в высях, там где-то,
Но я навсегда потерял красоту.
Я мертвая тяжесть, – от вольного лега,
От счастья и света иду в темноту.

ПТИЧКА

Воздушная птичка, на окне у меня,
На мгновенье присела и запела звеня, –
Воздушная птичка не видала меня.

Закат запоздалый в облаках догорал,
Упоительно-алый как небесный коралл,
Забывтый, усталый, я один умирал.

Но серая птичка, на раскрытом окне,
Все воздушнее пела о негаснущем дне, –
О вечности светлой в неизвестной стране.

И тихо я умер, без печали земной,
И замолкшая птичка улетела со мной,
Смутившись внезапно неземной тишиной.

К НОЧИ

Вспоенная соленой морскою глубиной,
Вся дышащая влагой, мечтой, и тишиной, –
О, Ночь, побудь со мной,
О, Ночь, побудь моей,
Дай мне побыть во сне,
В бездонной глубине,
Где скрыты зерна дней.

Окутанная дымом сожженных вечеров,
Дочь Хаоса немая, любимица веков, –
О, Ночь, пошли мне снов,
Мою печаль развей,
О, ночь, люби меня,
Я так устал от Дня,
Хотя я жажду дней.

Ты, капище видений, свобода всех рабов,

Колдунья преступлений и самых нежных слов, –
О, Ночь, сгущи покров
Своих густых теней,
Чтоб мне забыть себя,
Чтоб снова жить любя
Рожденье новых дней.

В одежде из созвездий, где каждая звезда
Живет тысячелетья, и вечно молода, –
О, Ночь, живи всегда,
О, Ночь, свой мрак лелей,
Чтоб в блеске красоты
Еще цвели цветы
Не мне цветущих дней.

У МОРЯ НОЧЬЮ

У Моря ночью, у Моря ночью
Темно и страшно. Хрустит песок.
О, как мне больно у Моря ночью.
Есть где-то счастье. Но путь далек.

Я вижу звезды. Одна мне светит
Других светлее и всех нежней.
Но, если сердце ее отметит,
Она далеко, не быть мне с ней.

Я умираю у Моря ночью.
Песок затащит, зальет волна.
У Моря ночью, у Моря ночью
Меня полюбит лишь Смерть одна.

МЕЖ ПОДВОДНЫХ СТЕБЛЕЙ

Хорошо меж подводных стеблей.
Бледный свет. Тишина. Глубина.
Мы заметим лишь тень кораблей,
И до нас не доходит волна.

Неподвижные стебли глядят,
Тонкоствольные стебли растут.
Как спокоен зеленый их взгляд,
Как они бестревожно цветут.

Безглагольно глубокое дно,
Без шуршанья морская трава.

Мы любили, когда-то, давно,
Мы забыли земные слова.

Самоцветные камни. Песок.
Молчаливые призраки рыб.
Мир страстей и страданий далек.
Хорошо, что я в Море погиб.

ПРИБЛИЖЕНИЯ

I change, but I cannot die.
Shelley

Я могу измениться, но не могу умереть.
Шелли

Я ТИХО СПЛЮ

Я тихо сплю на дне морском,
Но близок мир земли.
Я вижу, верховым путем
Проходят корабли.

И видя бледность глубины
И жемчуга ее,
Я вспоминаю зыбь волны,
Тревожу забытье.

Бежит прилив, растет прибой: –
«Усни! Усни! Ты спишь?
Над нами бездны голубой
Молитвенная тишь».

Поет прибой, растет прилив: –
«Проснись! Проснись! Бежим!
Ты знаешь, мир земной красив,
Мы овладеем им!»

Я тихо сплю на дне морей,
И знаю, сладок сон.
Но сердце шепчет мне: – «Скорей!
Ты будешь в жизнь влюблен».

Я мирно сплю на дне морском,
Но чувствую врага.
Я вновь пойду слепым путем,

Я брошу жемчуга!

БОЛЬ

Мы должны бежать от боли,
Мы должны любить ее.
В этом правда высшей Воли,
В этом счастье мое.

Сам себя из вечной сферы
Устремил я с высоты,
В область времени и меры,
В царство мысли и мечты.

И отпавши от начала,
Полновольная душа
Затомилась, заскучала,
И бежит, к концу спеша.

Но конца не будет сердцу –
Где моря без берегов,
Как не встретить иноверцу
В чуждых снах – своих богов.

Тот, кто бросился в скитанья,
Не уйдет тягот пути,
От страданья на страданье
Будет вынужден идти.

Но зато он встретит страны,
Где упьется он мечтой,
Где измены и обманы
Поражают красотой.

И затянутый в измены,
Где обманчивы огни,
Он вскипит, как брызги пены,
И погаснет, как они.

И опять, опять застонет
Легким ропотом челнок,
Рано ль, поздно ль, он потонет.
Так плывем же. Путь далек.

Путь далек до вечной Воли,
Но вернемся мы в нее.
Я хочу стремиться к боли,
В этом счастье мое.

СКОРЕЕ

Скорее, скорее, скорее, –
На лестницах Ангелы ждут.
Они замирают, бледнея,
И смотрят, и шепчут: – «Идут!»

«Идем мы, о, Ангелы Рая,
Идем не года, а века.
Терзает нас тайна земная,
Нас мучает страх и тоска.

Последней надежды лишаясь,
Обрывистым трудным путем,
Срываясь, и снова взбираясь,
Идем мы, идем мы, идем.

По острым камням и обломкам,
По ужасам липких болот,
Конца не предвидя потемкам,
Идем мы – как время идет.

О, Ангелы, вы помогите
Уставшим идти по земле.
Вы только с высот поглядите,
Как мы потемнели во мгле.

Мы падаем, снова слабея.
Ужели напрасен весь труд?»
Но сердце торопит. Скорее!
Стремления к Солнцу ведут.

МАЛО КРИКОВ

Мало криков. Нужно стройно
Гармонически рыдать.
Надо действовать спокойно
И красивый лик создать.

Мало искренних мучений,
Ты же в Мире не один.
Если ты разумный гений,
Дай нам чудо звонких льдин.

Силой мерного страданья
Дай нам храмы изо льда.

И тогда твои рыдания
Мы полюбим навсегда.

* * *

Бог создал мир из ничего.
Учись, художник, у него, –
И, если твой талант крупица,
Соделай с нею чудеса,
Взрасти безмерные леса,
И сам, как сказочная птица,
Умчись высоко в небеса,
Где светит вольная зарница,
Где вечный облачный прибой
Бежит по бездне голубой.

* * *

Зимой ли кончается год,
Иль осенью, право не знаю.
У сердца особенный счет,
Мгновенья я в годы вменяю.

И год я считаю за миг,
Раз только мечта мне прикажет,
Раз только мне тайный родник
Незримое что-то покажет.

Спросила ты, сколько мне лет,
И так усмехнулась мне тонко.
Но ты же ведь знаешь: поэт
Моложе, наивней ребенка.

Но также могла бы ты знать,
Что всю многозыблемость света
Привыкла в себе сохранять
Бездонное сердце поэта.

Я старше взметнувшихся гор, –
Кто Вечности ближе, чем дети?
Гляди в ускользящий взор,
Там целое море столетий!

ПОХВАЛА УМУ

Безумие и разум равноценны.
Как равноценны в Мире свет и тьма.
В них два пути, пока мы в Мире пленны,
Пока замкнуты наши терема.

И потому мне кажется желанной
Различность и причудливость умов.
Ум Английский, и светлый, и туманный.
Как Море вокруг несчетных островов.

Бесстыдный ум Француза, ум Немецкий,
Строительный, тяжелый, и тупой.
Ум Русский, исступленно-молодецкий.
Ум Скандинавский, вещей и слепой.

Испанский ум, как будто весь багряный,
Горячий, как роскошный цвет гвоздик.
Ум Итальянский, сладкий, как обманы,
Утонченный, как у Мадонны лик.

Как меч, как властный голос, ум Латинский,
Ум Эллинский, язык полубогов.
Индийский ум, кошмарно-исполинский,
Свод радуги, богатство всех тонов.

Я вижу, волны мира многопенны,
Я здесь стою на звонком берегу,
И кто б ты ни был, Дух, пред кем мы пленны,
Привет мой всем, и брату, и врагу.

К НЕНАВИДЯЩИМ

О, слушайте, бледные люди,
Я новое создал звено: –
Есть много мечтаний о Чуде,
Но Небо, Небо – одно.

О, слушайте все, кто в тумане,
В обмане незрячих долин: –
Есть множество разных страданий,
Но свет блаженства – один.

О, слушайте, сонмы видений,
Я пропасти видел до дна: –
Есть много дорог заблуждений,
Дорога Правды – одна.

ПЯТЬ ПЕЩЕР

Бледны и томительны все сны земного Сна,
Блески, отражения, пески, и глубина,
Пять пещер, в которые душа заключена.

В первую приходим мы из тайной темноты,
Нет в ней разумения, ни мысли, ни мечты,
Есть в ней лишь биение животной теплоты.

Рядом с нею смежная, туманности полна,
Млечная и нежная в ней дышит белизна,
С миром созидающим связует нас она.

Третья и четвертая и пятая горят,
Ароматом, звуками, и светом говорят,
Нам дыханье радуют, пленяют слух и взгляд.

Быстро мы касаемся, для нас доступных, сфер,
Видим все сокровища пяти земных пещер,
Но земной неяркий цвет, и скуден он, и сер.

Серые, томительно проходят наши дни,
Как неубедительно все, что твердят они,
О, зажжемте лучшие и высшие огни.

Победимте волею число земное – пять,
Только тот весь Мир поймет, кто может семь обнять,
Глянь в глаза души своей, раз хочешь все понять.

Кроме тех пяти пещер, есть в сердце глубина,
Есть для взора скрытого простор и вышина,
Примиришь, что глубь и высь – только два звена.

Вознесешься ль в небо ты, падешь ли ты на дно,
Всюду цепь одной мечты, к звену идет звено.
Жизнь прядет живую ткань, шумит веретено.

Жизнь прядет, шумит, поет, к примеру льнет пример,
Радуйся, о, мыслящий, ты гений высших сфер,
Вольны крылья легкие, разбиты пять пещер.

РАДОСТНЫЙ ЗАВЕТ

Памяти князя А. Н. Урусова

Мне кажется, что каждый человек
Не потому оцениваться должен,
Как жил он в этой жизни на Земле,
А потому, как он ушел из жизни.
Пока мы здесь, мы видим смену дней,
И в этой смене разное свершаем.
Пока мы здесь, мы слушаем напевы
Своей мечты: в одном она нежней,
В другом – грубей; во всех она случайна,
И всем поет различно о различном.
А Смерть равняет всех, затем что властно
Стирает все различия мечты.

Пока живем пьянящею игрою,
Мы думаем, что жизни нет конца,
Но Смерть к нам неожиданно приходит
И говорит: «Ты должен умереть».
И только в этот миг разлуки высшей
Со всем, что было дорого для сердца,
Является величие души,
И разность душ видна неустранимо.
Иной в течение лет героем был,
И в миг один с себя свой блеск свергает.
Другой всю жизнь казался еле видимым,
И в миг один проснулся в нем герой.
Прекрасней всех – кто, вечно-светлый в жизни,
Не изменил себе, свой день кончая,
Но, озарив последнюю черту,
Без жалобы угас, как гаснет Солнце.
Вот почему тот самый человек,
Чья тень теперь, невидимая, с нами,
Не только дорог жизнью мне своей,
Но тем, что был живым и в самой Смерти.

Своих друзей, свою работу, книги
Не разлюблял он до последних дней,
Он холодел – лишь для телесной жизни,
Он отходил – без ропота и страха,
И нам оставил радостный завет
В своем, как бы прощальном, восклицанье.
Когда уж остывала кровь его,
И видел взор души – что может видеть
Лишь взор души, от пут освобожденной,
Он вдруг воскликнул, звучно, как поэт:
«Есть Бог – хоть это людям непонятно!»
И снова повторил: «Есть Бог! Есть Бог!»

Да, верю, знаю. Та сказал пред смертью,
Что каждый сознает в свой лучший миг.
Есть родина для всех живых созданий,
Есть Правда, что незримо правит Миром,
И мы ее достигнем на Земле,

И мы ее постигнем в запредельном.
Безгласности вещания внимая,
К незримому душою обратившись,
Я говорю вам: «Бог нас ждет! Есть Бог!»

ВОЗДУШНАЯ ДОРОГА

Памяти Владимира Сергеевича Соловьева

Недалека воздушная дорога, –
Как нам сказал единый из Певцов,
Отшельник скромный, обожатель Бога,
Поэт-монах, Владимир Соловьев.

Везде идут незримые течения,
Они вокруг нас, они в тебе, во мне.
Все в Мире полно скрытого значенья,
Мы на Земле – как бы в чужой стране.

Мы говорим. Но мы не понимаем
Всех пропастей людского языка.
Морей мечты, дворцов души не знаем,
Но в нас проходит звездная река.

Ты подарил мне свой привет когда-то.
Поэт-отшельник, с кроткою душой.
И ты ушел отсюда без возврата,
Но мир Земли – для Неба не чужой.

Ты шествуешь теперь в долинах Бога,
О, дух, приявший светлую печать.
Но так близка воздушная дорога,
Вот вижу взор твой – я с тобой – опять.

КОЛОДЕЦ

«Наклонись над колодцем...»

1885

Я припомнил слова, что приснились мечте
В утро жизни, как нежное пение.
И хоть я уж не тот, и хоть мысли не те, –
Тайны те же зовут в отдаление.

«Наклонись над колодцем, увидишь ты там,
Словно темная яма чернеется,

Пахнет гнилью, и плесень растет по краям,
И прозрачной струи не виднеется.

Но внизу, в глубине, среди гнили и тьмы,
Там, где пропасть чернеется мглистая,
Как в суровых объятьях угрюмой тюрьмы,
Робко бьется струя серебристая».

Не напрасно те строки привиделись мне,
Промелькнули, как нежное пение,
Нет обманности – в сне, все правдиво – в весне,
Все – рождение светлого Гения.

Наклонись над колодцем, далеко – до дна,
Но не смерть там под мраками грубыми,
Ключевая волна так светло-холодна,
Между темными тесными срубами.

Не напрасно поднимется тяжесть ведра,
Не напрасно опустится, звонкая.
Сколько выйдет на свет хрусталя, серебра,
Нить мечтания скрутится тонкая.

Жизнь глубоко-свежа, предвещательны сны,
Не исчерпана мгла уголения.
Многоструйна мечта в темноте глубины,
Ясен праздник весны – Приближения.

МИРОВОЕ КОЛЬЦО

Кто, смотря, увидел Мировое Кольцо, –
Обвенчался душой с Бесконечностью.

Бальмонт

БОГ И ДЬЯВОЛ

Я люблю тебя, Дьявол, я люблю Тебя, Бог,
Одному – мои стоны, и другому – мой вздох,
Одному – мои крики, а другому мечты,
Но вы оба велики, вы восторг Красоты.

Я как туча блуждаю, много красок вокруг,
То на Север иду я, то откинусь на Юг,
То далеко, с Востока, поплыву на Закат,
И пылают рубины, и чернеет агат.

О, как радостно жить мне, я лелею поля,
Под дождем моим свежим зеленеет Земля,
И змеиностью молний, и раскатом громов
Много снов я разрушил, много сжег я домов.

В доме тесно и душно, и минутны все сны,
Но свободно-воздушна эта ширь вышины,
После долгих мучений как пленителен вздох,
О, таинственный Дьявол, о, единственный Бог!

КРАСОТА

Красота создается из восторга и боли,
Из желания воли и тяжелых цепей.
Все, что хочешь, замкнешь ты в очертания доли,
Красоту ли с грозой, или тишь серых дней.

Если хочешь покоя, не заглядывай в бездны.
Не ищи и не думай, правда ль жизнь или ложь.
Но мечты твои будут беспланетны, беззвездны,
В бескометное небо ты навеки уйдешь.

О, горячее сердце, что ж возьмешь ты как долю.
Полнозвучность ли грома и сверкающий свет,
Или радость быть дома и уют и неволю?
Нет, твой дом изначальный – где рождение комет.

Ты равно полюбило двух враждебных неравных,
И виденья покоя отодвинулись прочь.
Ты богов уравнило в двух мирах полноправных,
Приходите же, грозы, и колдуй мне, о, Ночь.

Наколдуй свои чары, но развейся с рассветом: –
Если будешь чрезмерной, я себе изменю.
Все, что к сердцу подходит, я встречаю ответом,
И мне сладко отдаться золотистому Дню.

НАМЕКИ

Есть намеки тайные
В будничных вещах.
Есть необычайные
Пропасти в сердцах.

В той же ежедневности,
Где томишься ты,

Дышат бури гневности.
И цветут цветы.

Краткое мгновение
Может пронести
Ужас разрушения
На твоём пути.

Краткое мгновение
Может дать нам сон,
Весь восторг забвения,
Целый небосклон.

День, что был томительным,
Ярким станет вдруг,
Блеском поразительным
Все зальет вокруг.

Верь в приход нежданного,
Тайна есть во всем,
В сердце много странного,
Мы живем.. Живем!

ЛЕСТНИЦА ЛЮБВИ

Только бы встречаться.
Только бы глядеть.
Молча сердцем петь.
Вздоргнуть и признаться.
Вдруг поцеловаться.
Ближе быть, обняться.
Сном одним гореть.
Двум в одно смешаться.
Без конца сливаться.
И не расставаться.
Вместе умереть.

РЕБЕНОК

1

Полозья проскрипели,
Умолк вечерний гул.
В недвижной колыбели
Ребенок мой уснул.

Горели звезды где-то.
Но я их не видал.
Мечта была пропета.
Слеза была – кристалл.

Храни Господь Всевышний
Всех темных на земле.
Того, кто в мире лишний,
Того, кто здесь, во мгле.

Храни Господь незлобный
Всех тех, кто слаб и сир.
Кто страшной тьмой утробной
Заброшен в этот мир.

Я знаю, что пребудет
Во мраке наша плоть.
О, что с тобою будет?
Храни тебя Господь.

2

Нет, нет, я не жалею.
Что мне ты был рожден.
И я любя лелею
Твой безмятежный сон.

Дитя мое, я знаю,
Что ты услада дней,
Но все дороги к Раю
Забыты меж людей.

И мне так больно, больно
Того, что в жизни ждет.
Я думаю невольно,
Пусть лучше смерть придет.

И думать так не смею,
Ведь я люблю тебя.
И я твой сон лелею,
Мучительно скорбя.

Тебя благословляя,
Скорблю, в душе своей,
Что не найдешь ты Рая,
Вплоть до исхода дней.

3

Нет, что бы мне ни говорили

Все мысли мудрые мои,
Что надо поклоняться Силе,
Чтоб с нею слиться в бытии, –

Нет, что бы мне ни утверждали,
Что будут счастливы все те,
Которые живя страдали
И задохнулись в пустоте, –

Я не могу принять мучений
Немых, как ангелы, детей,
И вижу я, что темен Гений
Земных убийственных сетей.

О, Господи, я принимаю
Все, что из пыток дашь Ты мне.
Чтобы найти дорогу к Раю,
Готов гореть века в огне.

Но я не в силах видеть муки
Ребенка с гаснущим лицом,
Глядеть, как он сжимает руки
Пред наступающим концом.

Глядеть, как в этом кротком взоре
Непобедимо-нежных глаз
Встает сознательность, и, в споре
Со смертью, детский свет погас.

Глядеть, как бьется без исхода
В нем безглагольная борьба!
Нет, лучше, если б вся Природа
Замкнулась в черные гроба!

Но лишь не он, в ком все так тонко,
Кто весь был обращен к лучу.
Нет, пытки моего ребенка
Я не хочу, я не хочу!

4

И вдруг мне послышался Голос,
Откуда-то с неба ответ
На то, что так больно боролось,
В душе выжигая свой след.

«Будь равен со слабым и сильным,
И к каждому мыслью спешу.
Не медли в томленье могильном,
Но слушай напевы души.

Весь мир есть великая тайна,
Во мраке скрывается клад.
Что было, прошло не случайно,
Все счастье вернется назад.

Но, если дорога есть к Раю,
Кто скажет, быть может, и Я
Безмерно, бездонно страдаю
В немой глубине бытия.

Кто был тот безумный и пленный,
Обманно сказавший тебе,
Что я улыбаюсь, блаженный,
Когда вы томитесь в борьбе?

Зачем восхождение, ступени?
Поймет эту тайну лишь тот,
Кто всю беспредельность мучений
В горячее сердце волеет.

Но в темных равнинах страданья,
Принявши крещение огнем,
Придем мы к Бессмертью Мечтанья,
Где будем с негаснущим днем.

Ты плачешь у детской постели,
Где бледный ребенок застыл.
Но очи его заблестели
Высоко над мглою могил.

Последнего атома круга
Еще не хватало – но вот,
По зелени пышного луга
Он к братьям небесным идет.

Там ярко цветут златооки.
Он должен увидеть их был.
Он сам в полуясном намеке
Улыбкой о них говорил.

И мысль твоя скорбью одета,
Но ты полюбил – и любим: –
Дорога незримого света
Теперь меж тобою и им.

Смотри, Я его облакаю
В сиянье Своей красоты.
С тобою Я слезы роняю,
Но Я зажигаю – цветъ».

ОДИН ИЗ ИТОГОВ

В конце концов я твердо знаю,
Кто мы, что мы, где я, в чем я.
Всю неразрывность принимаю,
И вся Вселенная – моя.

Я знаю все ее стихии,
Я слышал все ее слова.
И здесь являясь не впервые,
Моя душа опять жива.

Из тех планет, что были стары,
Я много новых создаю.
Неумирающие чары
И возрождение пою.

Металлов мертвенные слитки
Бросаю в нестерпимый жар,
И – в первозданье, и – в избытке,
И свеж, и юн – кто был так стар.

Я знаю все. Но есть забвенье.
И страшно-сладко мне забыть,
И слушать пенье, видеть звенья,
И ненавидеть, и любить.

Моя заманчивая доля –
Быть вольным даже и в цепях.
О, да, я воля, воля, воля,
Я жизнь, я смерть, я страсть, я страх.

Мое певучее витийство –
Не только блеск созвучных сил.
Раз захочу, свершу убийство,
Быть может, я уж и убил.

Но в должный миг припоминанье
Пронзит внезапно темноту.
И приведет меня скитанье
К весеннеликому Христу.

К Тому, который не страдает,
Страдая вольно за других,
Но бесконечно созидает
Из темных душ блестящий стих.

Он убедителен и кроток,
Он упоительно-жесток,
И Он – в перебирание четок,
Но больше – в пенье звонких строк.

Всечуткий, многоликий, цельный –
Встречает с ясностью лица
Всех тех, кто в жажде беспредельной
Во всем доходит до конца.

Кто говорит, что Он – распятый?
О, нет, неправда, Он не труп,
Он юный, сильный, и богатый,
С улыбкой нежной свежих губ.

Он так красив, так мудр, спокоен,
Держа все громы в глубине.
Он притягателен и строен,
И вечно нас ведет к Весне.

Он смотрит, как резвятся дети,
Как мчится молний череда,
Не двадцать маленьких столетий,
А сердце говорит – всегда.

И был ли Он сейчас в хитоне,
И был ли в панцире – как знать!
Но только в самом страшном стоне
Сокрыта звездная печать.

Земле, что ярче изумруда,
Сказал Он, что ей суждено: –
Нам первое являя чудо,
Он воду превратил в вино.

И, весь – бездонное значенье,
Зиме уговоряя Май,
Разбойника за миг мученья
Он взял с собою в вечный Рай.

И там, где звезд живые реки,
Звеня, не точат берега, –
Внемлите слову, человеки,
Он примет худшего врага.

У Человека больше сходства
С Христом, чем с Дьяволом, и он,
Впадая в низкое уродство,
Лишь на мгновенье ослеплен.

Впадая в ярость возмущенья,
В великий Сатанинский Сон,
Желая ужаса и мщенья,
Лишь на мгновенье ослеплен.

В горенье властного пожара

Себе лишь нанося урон,
Впадая в марево Кошмара,
Лишь на мгновенье ослеплен.

И это краткое мгновенье
Продлится миллионы лет,
Но в яркий праздник Воскресенья
Весь мрак войдет в безмерный Свет!

ДРУГИЕ ИТОГИ

Другие итоги... Их много,
И скоро я их расскажу.
Но я еще здесь – у порога,
С восторгом смотрю на межу.

И то, что заветная тайна
До завтра во мне заперга,
Не прихоть, что встала случайно,
Но знаний моих полнота.

О, сколько вам будет открытий,
Безвестные братья мои,
О, сколько блистательных нитей,
Различных в одном бытии.

Еще я колеблюсь, робею,
Еще я горжусь, и гляжу,
Великою тайной моею
Лелейно еще дорожу.

Но скоро всю бездну сокровищ
Явлю в прорицаньях я вам,
И вы, миновавши чудовищ,
Войдете в невиданный Храм.

Не будет ни звука, ни краски,
К которым мечтой не коснусь,
И в правде неслыханной сказки
Я все их отдам вам... Клянусь!

СОЗНАНЬЕ, СИЛА И ОСНОВА

Сознание, Сила и Основа
Три ипостаси Одного.
О, да, вначале было Слово,

И не забуду я его.
В круженье Солнца мирового
Не отрекусь ни от чего.

Высоты горные Сознания –
Как Гималайские хребты.
Там вечный праздник пониманья,
Зачатья новой красоты.
Для нежной радости ваянья
Я изменяю все черты.

Неумирающая сила
Не знает, что такое мель.
Она не помнит то, что было,
Родит приливы и метель.
И в каждом атоме могила,
В пылинке каждой колыбель.

Неистребимая Основа –
Неисчерпаемый рудник.
В ней все возможности живого,
В ней мрак и блеск и вздох и крик.
Столетье отжил я, и снова
Встречаю детски майский миг.

Среди стихийного бесчинства,
И столкновенья встречных струй,
Я чую радость материнства,
Я слышу новый поцелуй,
И двустороннее Единство
В моей крови поет: «Ликуй!»

О, да, вначале было Слово,
И как не помнить мне его!
В движенье круга мирового
Я прикасался до всего.
Сознание, Сила, и Основа, –
Три солнца духа моего!

ПОЛНОЧЬ

Каждый день я умираю, каждый день рождаюсь вновь.
Утром с Солнцем в мир вступаю, ночью праздную любовь.

Ненасытно сердце хочет каждый день иной мечты.
Каждой ночью смотрят звезды с невозбранной высоты.

Опьяненное пространством, Солнце каждый день горит,
С неизменным постоянством Полночь сердцу говорит.

Слышу, слышу – волны звона, то двенадцать бьет часов,
С голубого небосклона льются хоры голосов, –

Возрастающих в безгласье, ясно внятных для души. –
Гул растений ароматных, расцветающих в глуши.

Море времени и мысли бьется в бездне голубой.
О пределы пониманий ударяется прибой.

И душе, для снов открытой, сладко знать, что берега
Принимают от созвездий и от Моря жемчуга.

Миг еще, и тьма закроет в Вечность глянувшую дверь,
И сознание успокоит. Клад получен. Спи теперь.

Ты – вневременное видел. Вновь во времени умри.
И на завтра встань венчанный в первозданности Зари.

БЕЗГЛАСНАЯ ПОЭМА

Каждый цветок есть изваянный стих,
В каждом растении – сага.
В них очертания мыслей моих,
Слез освежительных влага.

Стоит мне только подумать о чем,
Мысли в пространство стремятся,
Светятся в нем достающим лучом,
В гроздьях созвездий роятся.

Мыслью моею я все достаю,
В царствах бездонных Эфира.
В кузницах тайных незримо кую
Звенья богатого мира.

То, что чернело, как грубый кусок,
Было обломком тяжелым,
Я превращаю в горящий цветок,
Отданный огненным пчелам.

Творческий молот стучит без конца,
Искры сплетаются в пляске.
Звенья растут Мирового Кольца,
Неумирающей сказки.

Дальше и дальше уходят мечты,
Нет для мышленья границы.
В новых просторах раскрылись цветы,

Искрятся их вереницы.

В лилиях белых вся нежность моя,
Страсть моя в кактусах красных,
В желтых колосьях покой бытия,
Ласковость в розах атласных.

Арум зловещий, и старый анчар,
Пасть орхидеи тигриной –
Яркая разность тождественных чар,
Отблески мысли единой.

Кровью я каждый цветок расцветил,
Или слезою воздушной,
Дал им вкусить от сверкающих сил,
Вырастил в бездне послушной.

Вырастил их, и до завтра затих.
Лучшие радости немые.
Каждый цветок есть изваянный стих
Вечно-безгласной Поэмы.

ВЫСОТЫ

Безмолвствуют высоты,
Застыли берега.
В безмерности дремоты
Нагорные снега.

Здесь были океаны,
Но где теперь волна?
Остались лишь туманы,
Величье, глубина.

Красивы и усталы,
В неподвижности своей,
Не грезят больше скалы
О бешенстве морей.

Безжизненно, но стройно,
Лежат оплоты гор.
Печально и спокойно
Раскинулся простор.

Ни вздоха, ни движенья,
Ни ропота, ни слов.
Безгласное внушенье
Чарующих снегов.

Лишь мгла долин курится,
Как жертвы бледный дым.
Но этой мгле не слиться
С тем царством снеговым.

Здесь кончили стремленья
Стремительность свою.
И я как привиденье
Над пропастью стою.

Я стыну, цепенею,
Но все светлей мой взор.
Всем сердцем я лелею
Неизреченность гор.

К ЛЮДЯМ

О, люди, я к вам обращаюсь, ко всем,
Узнайте, что был я несчастен и нем,
Но раз полюбил я возвышенность гор,
И все полюбил я и понял с тех пор.

Я понял, но сердцем, – о, нет, не умом,
Я знаю, что радостен царственный гром,
Что молния губит людей и зверей,
Но мир наш вдвойне обольстителен с ней.

Мне нравится все, что Земля мне дала,
Все сложные ткани и блага и зла,
Всего я касался, всему я молюсь,
Ручьем я смеялся, но с Морем сольюсь.

И снова под властью горячих лучей
С высот оборвется звенящий ручей.
Есть мудрость, но жизнь не распутал никто.
Всем мудрым, всем мертвым, скажу я – «Не то!»

Есть что-то, что выше всех знаний и слов.
И я отвергаю слова мудрецов,
Я знаю и чувствую только одно,
Что пьяно оно, мировое вино.

Когда же упьюсь я вином мировым,
Умру и воскресну и буду живым.
И буду я с юными утренним вновь...
О, люди, я чувствую только Любовь!

Печатается по: Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 тт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 2.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>